

Гай Гэвриел Кей

БЛЕСК
МИНУВШИХ
ДНЕЙ

Мастера фантазии

Гай Гэвриел Кей

Блеск минувших дней

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111(71)-312.9
ББК 84(7Кан)-44

Кей Г.

Блеск минувших дней / Г. Кей — «Издательство АСТ»,
2019 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-135648-4

Благодаря своему уму Гвиданио Черра попал в известную на всю Батиару школу, хотя был всего лишь сыном портного. Позже он поступил на службу ко двору графа Милазии и вскоре узнал, почему того прозвали Зверем. Судьбе этого молодого человека – а заодно и судьбе всего мира – еще только предстояло измениться навсегда. Ведь однажды, осенней ночью, в покои графа вошла юная Адрия Риполи. Рожденная дочерью правителя, комфорту и праздности она предпочла жизнь, полную опасностей, действий и свободы. И вот теперь пришла с намерением убить Зверя. А ведь в этой истории есть и другие: целительница, решившая бросить вызов судьбе; очаровательно легкомысленный наследник всемогущего семейства банкиров; могущественный религиозный лидер, известный скорее распутством, чем набожностью; и, разумеется, два величайших командира наемников – вечных противников в политике и на поле боя, чье соперничество держит в равновесии чашу мировых весов в то беспокойное, опасное, яростное время, которое еще долго будут вспоминать. Ведь он слишком ослепителен, блеск минувших дней.

УДК 821.111(71)-312.9
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-17-135648-4

© Кей Г., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Главные действующие лица	7
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	29
Глава 3	46
Часть вторая	61
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Гай Гэвриел Кей

Блеск минувших дней

Рексу Кею – с любовью.

*Спасибо, брат, первый мой читатель,
поддерживающий меня всю жизнь.*

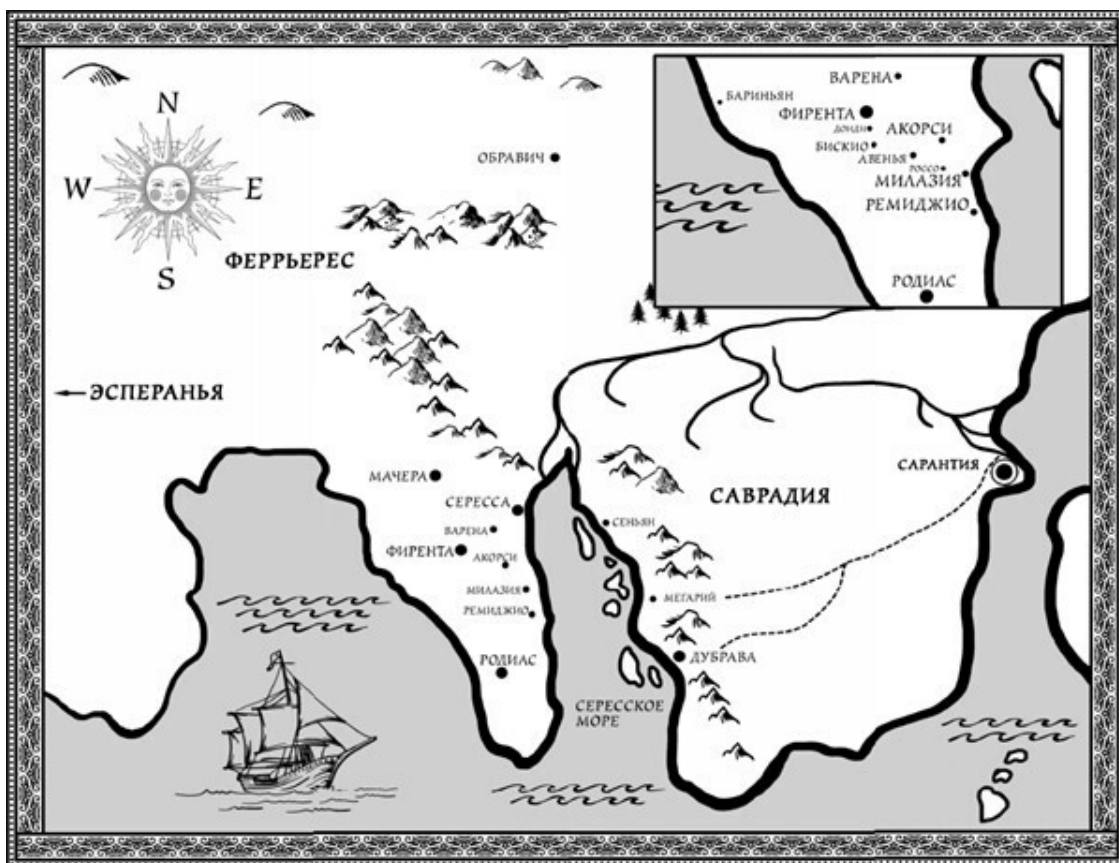
*Небесные сферы летят в бесконечность,
Но прошлого миг остается навечно.
Ночник воскрешает детали и лица,
Минувшее – с нами, минувшее – длится.*

ЧЕСЛАВ МИЛОШ

Copyright © 2019 by Guy Gavriel Kay

© Перевод Н.Х. Ибрагимова, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Главные действующие лица

(в основном приведены по тем городам, откуда они родом, и не обязательно в связи с тем местом, где они впервые встречаются в тексте)

В Серессе:

Гвиданио Черра, также называемый Данио, а иногда – Данино.

Алвизо, его кузен, книготорговец в Серессе

Брунетто Дузо, стражник

Герцог Лучино Конти, болеющий после инсульта

Риччи, исполняющий обязанности герцога

Петронелла, Дарио, Маурицио соседи Гвиданио

В Мачере:

Герцог Ариманно Риполи

Коринна, его жена

Адриа, их младшая дочь

В Акорси:

Фолько Чино д'Акорси, командующий войском наемников

Катерина Риполи д'Акорси, его жена, сестра герцога Мачеры, Ариманно

Люди Фолько:

Альдо, его кузен и лейтенант

Джан

Коппо Перальта

Леоне

Ванетта, сестра Фолько (покойная)

В Ремиджио:

Теобальдо Монтикола ди Ремиджио, правитель Ремиджио, командующий войском наемников

Джиневра делла Валле, его любовница, мать двух его младших сыновей

Труссио, его старший сын от покойной жены

Герардо Монтикола, брат Теобальдо, главный советник Ремиджио

Люди Монтиколы:

Гаэтан, его лейтенант, из Феррьереса

Коллючо, командир его роты

В Авенье:

Гуарино Пезелли, основатель прославленной школы в Авенье

Эридзио и Эвардо Риччьярдiano, братья, правители в Авенье

В Милазии:

Граф Уберто Милазийский по прозвищу Зверь

Новарро, его главный советник
Морани ди Россо, главный дворецкий замка
Опичино Валери, торговец
Эриджио, его старший сын

В Фиренте:

Пьеро Сарди, банкир, правитель Фиренты
Версано, его старший сын
Антенами, его младший сын
Ариберти Борифорте, командир его армии

В Родиасе:

Верховный патриарх Скарсоне Сарди, племянник Пьеро

В Бискио:

Кардерио Саккетти, башмачник
Мина Саккетти, его тетушка
Леора, его дочь
Карло Серрана, наездник на скачках в Бискио

А также:

Елена, странствующая целительница
Брат Нардо Сарцерола, священнослужитель
Горо Кальметта, купец из города Россо
Маттео Меркати, знаменитый художник
Гурчу, калиф ашаритов, осадивший Сарантий

Часть первая

Глава 1

Ночь. В большой комнате – давно уже немолодой мужчина. Фонари и лампы, факелы в кронштейнах, красивый стол, высокие окна, закрытые ставнями, картины на стенах в полумраке. Мужчина не одинок, но все равно память возвращает его в те времена, когда он был молод. Это свойственно всем нам. Запах, голос, имя, человек, напоминающий кого-то, кого мы знали, уносит нас в прошлое... В этот момент что-то происходит, но возникает некая задержка, пауза в быстрой смене событий и лиц, а прошлое ночью становится ближе.

Мужчина вспоминает одну историю из тех времен, когда он был молод и познавал мир и свое место в нем. Он не может и не станет восстанавливать в памяти всю эту историю целиком, ведь нам доступны лишь разрозненные фрагменты прошлого, даже своего собственного. И оно принадлежит не только нам – сохранившееся в памяти, в записях, в услышанном или прочитанном. Мы можем воссоздать лишь часть его. Иногда этого достаточно...

* * *

Моряки говорят, что капли дождя начинают скучать по туче уже тогда, когда падают сквозь свет или мрак в море. Так и я скучаю по ней, падая сквозь свою жизнь, время, бесконечную суету. Она до сих пор иногда снится мне по ночам, но сны эти ничего не значат. В них только я сам и моя тоска по тому, чего никогда не будет.

Я очень хорошо помню ту осеннюю ночь. Было бы странно, если бы я забыл, ведь именно тогда дорога моей жизни сделала резкий поворот, противоположный направлению, которому я следовал до тех пор. Она «изменила дугу моих дней», как сказал бы Гуарино. Я мог запросто погибнуть, и тогда вообще никакой линии не было бы. И долго еще после этой истории в моей памяти возникали образы кинжалов: того, который носил я, и того, который пустили в ход раньше, чем я выхватил свой.

Я обязан жизнью Морани ди Россо и зажигаю свечи в память о нем. Он был хорошим человеком. Справедливости ради замечу, что любой друг Гуарино просто не мог быть иным. Морани, главный управляющий во дворце Милазии, принял меня на службу по рекомендации Гуарино. Вот почему я находился во дворце в ту ночь, когда девушка убила графа Уберто по прозвищу Зверь.

Должен сразу сказать, что я учился в школе Гуарино вовсе не потому, что мой отец занимал какое-то видное положение в обществе. Когда Гуарино, лучшему человеку нашего времени, предложили открыть школу при дворе в Авенье, он согласился, но с условием: ему позволят принять несколько детей незнатного происхождения – умных и одаренных, – которых он будет обучать наравне с сыновьями и некоторыми дочерьями аристократов.

Только благодаря этому я туда и попал. Мой отец был портным в Серессе. Я не стыжусь признаться в этом. Я знаю, кем он был, как знаю, кем был я и кто я сейчас. На меня обратил внимание священник из нашего местного храма у большого канала. Он отметил, что я сообразителен, недурно сложен и благовоспитан, да к тому же легко усваиваю буквы и цифры.

Портные в Серессе (как и в других местах) действительно имеют некоторое положение в обществе. Они входят в дома сильных мира сего, беседуют с ними во время примерки, узнают об их делах и потребностях (и это касается не только одежды), а иногда даже формируют эти

потребности. В наше время внешний вид при появлении в общественных местах имеет значение. Полагаю, впрочем, что так было во все времена.

По настоянию нашего священника отец упомянул обо мне в письме к одному из своих покровителей, члену Совета Двенадцати, потом священник сам написал письмо этому человеку, и... закрутилось. Я вспоминаю мать в утро моего отъезда – она спасла от кота желтую птичку. Прогнала кота прочь, потом повернулась и крепко обняла меня на прощание. Не знаю, плакала ли она; если и плакала, то уже после того, как я уехал.

У Гуарино в Авенье я провел семь лет. Теперь там, во внутреннем дворике дворца, напротив здания, где раньше размещалась школа, установлен его бюст. Школу давным-давно закрыли. Гуарино умер, мой отец (да хранит Джад его душу) умер – как и многие из тех, кто сыграл важную роль в моей жизни. Это неизбежно, если вы живете достаточно долго.

В школе в Авенье прошло мое детство, там оно и закончилось. Я научился не просто грамотно и красиво писать, но достиг в этом большого мастерства. Научился вести светскую беседу в хорошем обществе и приводить остроумные доводы в споре. Овладел навыками обращения с оружием и освоил новые способы ведения счетов. Научился петь (по правде говоря, посредственно), ездить верхом и ухаживать за лошадьми, что стало величайшей радостью всей моей жизни.

Я научился соблюдать этикет в обращении с вышестоящими, а также с равными мне и подчиненными, – и делать это, по крайней мере внешне, непринужденно. Мне поведали кое-что из древней и новейшей истории Батиары, хоть о событиях нашего времени рассказывали очень осторожно, поскольку кое-что не произносилось вслух даже в нашей школе. В конце обучения я уже помогал присматривать за младшими учениками и не торопился покидать этот тихий уголок.

Некоторые из нас научились читать тексты древних. Мы узнали о лежащем на Востоке Сарантии, Городе Городов – каким он был тысячу лет назад и каким стал сейчас. О том, что в наше время ему угрожают ашариты-звездопоклонники. Мы слушали легенды об императорах и колесничих.

Любовь к языкам и легендам, наряду с посещением дворцовых конюшен Авеньи, во многом объясняли, почему я оставался при своем учителе дольше большинства учеников. Все это – и то, что я его любил.

Я подумывал стать книготорговцем и переплетчиком дома, в Серессе, где торговля процветала, но Гуарино сказал, что мое место при дворе – там я смогу применить то, чему он меня научил, и поделиться своим знанием с другими. Он считал это частью своей задачи – посылать мужчин, а иногда и женщин, в большой мир, чтобы они оказывали влияние, призывали других становиться лучше, несмотря на то, что повсюду царствует жестокость и войны не прекращаются ни в Батиаре, ни за ее пределами.

У тебя будет еще достаточно времени, чтобы издавать и продавать книги, сказал он, если ты решишь, что тебе действительно этого хочется. Но сначала займи положение, которое позволит тебе вернуть кое-что из полученного здесь.

Он написал письмо старому другу, и так Морани ди Россо и Милазия вошли в мою жизнь. Морани предложил мне должность при тамошнем дворе. При дворе Зверя.

Иногда мы сами делаем выбор, иногда его делают за нас другие.

Я часто думал о том, как сложилась бы моя жизнь, если бы я уехал домой, в Серессу, и занялся книготорговлей – сам или на паях с кем-то еще. Например, с моим двоюродным братом Альвизо, который тогда только открыл книжную лавку на берегу одного из небольших каналов. Но Альвизо не учился в прославленной школе в Авенье. Жизнь не преподнесла ему такого подарка. А предоставленные возможности – это ответственность. Нас так учили.

Поэтому я поехал в Милазию. Среди правителей больших и малых городов-государств Батиары всегда были и есть скверные люди, но вряд ли кто-то стал бы спорить с тем, что Уберто,

правитель Милазии, был одним из худших. Всегда интересно – и тогда, и сейчас, – как порочным людям удается захватить власть, почему их принимают и поддерживают подданные, если зернохранилища полны, а жители сыты? Если война не приводит голод к городским стенам. Уберто однажды замуровал своего врага в бочке живьем, чтобы проверить, будет ли видно, как отлетит душа пленника, когда тот умрет.

Если кому-то суждено быть убитым, мы хотим, чтобы это произошло где угодно, лишь бы подальше от нас. Мы думаем так даже за молитвой. В наше время, когда города-государства нанимают армии, чтобы те сражались за них на склонах гор и в речных долинах, когда эти армии самостоятельно устраивают набеги, когда Верховные патриархи воюют с одной половиной знати и тайно сговариваются с другой, некоторые рассматривают конфликты правителей как соблазнительную возможность расширить собственную власть.

Злые, голодные солдаты разрушают города и селения, потом проходит лишь год, и их снова грабят. Начинается голод, а с ним – болезни. В тяжелое, гибельное время сильному и внушающему страх правителю, способному сберечь свой город, прощают многие преступления, которые он совершает у себя во дворце.

Это не было тайной. Уберто Милазийский приобрел дурную славу тем, что творил у себя в покоях по ночам, когда на него накатывало соответствующее настроение. Шепотом передавались слухи о юных телах, бездыханных и изуродованных, которые выносили через малые дворцовые ворота под покровом темноты. А добрые люди все равно служили графу, оправдываясь перед Богом, как могли.

Уравновешивающие деяния души... Покорность встречается чаще, чем ее противоположность – восстание в гневе и сопротивление. В нашем мире волки обитают и под сводами прекрасных дворцов, и в темных лесах, и на диких пустошах.

В те годы люди отсылали своих дочерей прочь из Милазии и окрестных деревень только потому, что Уберто был тем, кем он был. Впрочем, когда не удавалось вовремя найти подходящей хорошенькой девушки, он приказывал приводить к нему мальчиков.

Об этом все знали, как я уже сказал. Мы в Авенье тоже слышали эти истории. Некоторые ученики, более знатные, чем я, даже шутили, что право требовать себе девиц для развлечения (насчет мальчиков никто не шутил, это было слишком рискованно) – одно из преимуществ власти.

Надо отдать им справедливость, они не говорили о праве убивать, только об удовольствиях на одну ночь... ну, или не на одну.

Уберто никогда никого не приглашал к себе больше, чем на одну ночь. Большинство его «гостей» возвращались домой и даже получали денежное вознаграждение – правда, девушкам потом трудно было выйти замуж, а мальчики были опозорены.

Однако живыми его дворец покидали не все. Не все.

Впервые я мог погибнуть в ту ветреную осеннюю ночь, если бы Морани, узнав, что девушку доставили, не отправил меня по черной лестнице за вином.

Когда к графу привозили кого-нибудь ночью, Морани лично становился на пост у входа в покои Уберто, словно не хотел перекладывать бремя на душу другого человека. Он поступал так много лет.

Летом и осенью того года он предпочитал, чтобы я был рядом с ним до и после того, как их привозили, но не в те минуты, когда девушка или мальчик поднимались по лестнице.

На моей памяти это случалось уже трижды. Та ночь была четвертой. Я не верю в священные числа, просто рассказываю историю, как помню.

Стоя у входа в покои графа, мы с Морани беседовали о мудрости прошлого. По его просьбе я читал ему на память стихи, пока за дверью Уберто делал то, что он делал. Иногда мы кое-что слышали. Морани при этом становился печальным, и, как мне казалось, я заме-

чал и другие чувства у него на лице. Как правило, он велел мне говорить – о философах, о необходимости сдержанности, о просвещенном безразличии к колесу Фортуны. Он пил вино, принесенное мною, но всегда соблюдал меру.

Морани не мог оградить меня от того, что происходило в покоях, – только от личного участия в сопровождении ночных гостей Уберто. После этого управляющий все же требовал, чтобы я остался с ним. Возможно, ему было тяжело там в одиночестве. Возможно, он полагал, что мне необходимо узнать темные стороны жизни наряду со светлыми. Я часто думал с тех пор, что в каком-то смысле такова и Батиара: искусство, философия – и звери.

Если бы я стоял рядом с Морани в тот момент, когда девушку вели вверх по лестнице при свете факелов, если бы доставившие ее стражники увидели меня вместе с ним, то, вне всякого сомнения, меня сочли бы в равной степени ответственным за то, что произошло потом.

Но меня не увидели. Только Морани ласково приветствовал девушку и впустил в покои, предварительно тщательно проверив, нет ли у нее оружия. Стражники уже обыскали ее перед лестницей, но, как главный управляющий дворца, мой покровитель обязан был лично досмотреть гостей у этой двери.

Тем не менее я был там. Я действительно ее видел.

Я уже поднялся с флягой вина и стоял в тени на черной лестнице, вне поля зрения стражников и девушки, но сам их видел. И я знал, кто она такая.

Не думаю, что она вспомнила бы меня, но я узнал ее с первого взгляда. Прошло не так уж много времени. И я сразу понял: что-то не так.

Я ничего не сделал, ничего не сказал. Я позволил этому случиться.

Честно признаю, что вина за смерть Морани ди Россо лежит на мне. Я многим ему обязан, и он мне очень нравился. Он был добрым человеком, у него подрастали детишки, а я узнал эту женщину, но все-таки позволил событиям развиваться в том направлении, в каком они двигались, в том числе – и казни с расчленением на площади.

Я часто думал о том, что мир, который сотворил Бог, – по крайней мере, в наше время – не слишком добр к хорошим людям; уж не знаю, как это характеризует меня и мою собственную жизнь. Мы копим грехи и вину, проживая свои дни, совершая выбор, делая что-то или бездействуя. За этот грех, за смерть Морани, будут судить меня. Впрочем, на моей совести есть и другие.

* * *

Она замечает силуэт слуги в полутьме, на второй лестничной клетке. Человек что-то держит в руках, вероятно, вино. Неважно. Важно изобразить волнение, но не страх, чтобы управляющий не заподозрил, что она что-то скрывает. Она напоминает себе, что чувствует себя неловко в этой красивой одежде, которую ей прислали из дворца графа.

Они обсуждали это, когда составляли план, когда она согласилась рискнуть, хотя Фолько ясно дал понять: это всего лишь мысль, идея. Он не мог ей приказать. Разумеется, не мог. Он сказал, что совершенно уверен – все получится.

Она ему поверила. Не стал бы он посылать ее на верную смерть. Ни ради Милазии, ни ради чего-либо другого. Она не должна погибнуть, выполняя его задание. Она – его оружие, а хороший командир бережет свое оружие. И к тому же она – его племянница.

Она ответила «да» без колебаний. Колебаться вообще не в ее характере, и к тому же для согласия существовало множество причин. Например, Уберто Милазийский вызывал к себе детей и убивал их. Кроме того, она не отличалась мягкосердечием – в ее семье таких не водилось, – а Уберто... он вызывал у нее отвращение. Проблема заключалась в том, что она никогда прежде никого не убивала; той ночью она это хорошо понимала, и ей было нетрудно выглядеть встревоженной, стоя перед управляющим. Она действительно тревожилась и, когда

улыбалась управляющему, губы ее дрожали. Да, она была хорошей актрисой; отчасти в этом и заключалась приносимая ею польза.

Управляющий мягко представляется ей. Проверяет, нет ли у нее оружия, как и стражники до того. Правда, они получали удовольствие, обыскивая ее, он же делает все необходимое сдержанно, с достоинством, но тщательно.

– Как тебя зовут, девушка? – спрашивает он. В ответ она называет имя, которое они с Фолько придумали для нее, когда она переехала на ферму за пределами города четыре месяца назад.

Супруги, которым заплатили, чтобы они изображали ее родственников, у которых она поселилась, якобы после смерти матери, должны были скрыться этой ночью. Прямо сейчас они должны со всей возможной скоростью нестись в осеннюю тьму, надеясь на то, что хаос во дворце и в городе отсрочит расспросы и погоню, что не найдется никого, кто сохранит ясность ума и сможет отдать распоряжение о поимке беглецов.

В оплату услуг входили уже поджидающие лошадь и повозка, а также больше серебра, чем они видели за всю свою тяжелую жизнь. Вот почему супруги покинули родной дом, почти ничего не взяв с собой и даже не затушив огонь в очаге, – из трубы поднимался дым, чтобы окружающие ничего не заподозрили. Они очень рисковали, но тем, кто хочет преуспеть в этой жизни, приходится рисковать. Капитаны Фолько разбирались в людях и сделали хороший выбор. Адрия желала этим двоим удачи, но не стала тратить время на раздумья о них. Фортуна капризна, а с верой у нее были сложности по целому ряду причин.

– Он сегодня настроен мирно, – говорит управляющий.

Она понятия не имеет, правда ли это или мужчина просто хочет унять ее страх. Но все же кивает и тихо произносит:

– Это хорошо, мой господин?

Он вздыхает. Сразу видно, что ему ее жаль, но ей плевать. Он ведь все равно отправляет ее к этому человеку, не так ли?

Ничто не имеет значения. В любом случае – выполнит ли она то, для чего пришла сюда, или потерпит неудачу в той комнате, – этому человеку, ди Россо, сейчас грозит смертельная опасность. Если только, обыскивая ее, он не...

Он ничего не обнаружил. Возможно, будь на его месте женщина, она заметила бы, а может, и нет. Но женщины там все равно не было.

У Фолько служит один человек из Эспераньи, который владеет искусством, почти неизвестным в Батиаре. Ей было страшно, когда она готовилась на ферме после того, как ее призвали, но со страхом можно справиться, он не помешает действовать. Фолько часто говорил это им всем: «Ты не отрицаешь, что испытываешь страх, ты им управляешь».

Она была старше совсем молоденьких девочек, которых предпочитал Уберто, и, наверное, слишком высока, но, бесспорно, красива, а таких в Милазии и окрестностях осталось немного. Она никогда не ходила на рынок (это показалось бы слишком вызывающим), но и не пряталась от людей с соседних ферм, а уж те, кто готов за вознаграждение доложить дворцовым стражникам о подходящей девушке, всегда найдутся. Именно на это они с Фолько и рассчитывали. Люди, как правило, предсказуемы, если хорошо все продумать. Это Фолько тоже все время повторял.

Тем не менее она пожелала мучительной смерти тому человеку, который сообщил о ней стражникам.

Конечно, это могла быть и женщина. Она предпочитала думать иначе, но почему знать? Люди ужасающе бедны. Крестьян угнетали, разоряли налогами, чтобы ремесленники и торговцы в городах лучше относились к своим правителям и потому были менее опасны. Даже Фолько в Акorsi поступал так же. На несколько дополнительных монет можно было с приходом зимы купить дрова и еду, тем самым сохранив жизнь детям и взрослым. Всем хотелось

того, чего у них нет, пусть даже это был просто хлеб или тепло. Гурчу, правитель ашаритов, мечтал захватить Сарантий, Город Городов. Ей самой хотелось куда больше свободы, чем предлагал женщине этот мир. Некоторые желали любви.

Фолько хотел получить Милазию. Это был еще один ход в долгой игре против старого врага, и врагом этим был, разумеется, не Уберто.

Вряд ли он смог бы сразу же заявить права на этот город, хотя, если этой ночью ей удастся совершить задуманное и начнется неразбериха, шанс был. Главное, что даже угроза господства Фолько над Милазией выбьет из колеи Теобальдо Монтиколу, чьи земли и город лежали к югу отсюда. А такой безрассудный и жестокий человек, как Монтикола, вряд ли удержится от опрометчивых поступков в сложный момент.

Некоторое время назад она узнала о том, что вражда между Фолько Чино д'Акорси и Монтиколой ди Ремиджио играла важную роль в мире. По крайней мере, в этой его части. Ведь именно эта вражда привела ее сюда сегодня ночью, не так ли? В этот дворец. «Ее собственный выбор», – так она себе говорила, и это было почти правдой.

– Если он настроен мирно, это почти всегда предвещает более спокойную ночь, – отвечает управляющий на ее вопрос. Более спокойную, думает она. – Старайся... угодить ему, но не слишком усердствуй. Он любит... графу нравится чувствовать, что девушка неопытна в... таких делах.

– Я еще девица, – говорит она. Кстати, это правда.

– Разумеется, разумеется, – быстро отвечает управляющий, и она видит при свете лампы, что он покраснел. Потом он откашливается. – Я буду ждать. На этом самом месте.

– Зачем, мой господин? – спрашивает она довольно опрометчиво.

– Ну, чтобы вызвать стражников, которые проводят тебя домой.

– О. Значит, вон оно как. Спасибо, – она подражает деревенскому выговору. – А он сделает мне больно? – Ей кажется, что девушка может спросить об этом, учитывая ходившие слухи.

Управляющий отводит взгляд.

– Просто... будь послушной. Как я уже сказал, он сегодня настроен мирно.

– Да, мой господин, – отвечает она, по-прежнему видя тот силуэт на лестнице для слуг. Оба стражника уже ушли, спустились по парадной лестнице.

– Что ж, тебе пора, – говорит управляющий.

Он проводит ее до тяжелой двери. Тихонько стучит.

– Пусть она войдет, – немедленно раздается голос, и ее действительно охватывает страх.

Управляющий открывает дверь. Адрия входит. Дверь за ее спиной захлопывается.

Красивая комната. Она выросла в более богатом и просторном дворце, иначе при виде такого великолепия ее охватил бы благоговейный трепет. Необходимо сделать вид, что так и есть, напоминает она себе.

Два окна на дальней стене, по обеим сторонам от камина. Еще одна дверь, слева от нее, приоткрыта. Вероятно, ведет во внутренние покои. На полу перед вторым камином – узорчатый ковер. Лампы на столах, для лучшего освещения, на одном столе – вино. Бутыль почти пуста, отмечает она.

Слева от нее, у стены с полуоткрытой дверью, стоит кровать. Там нет ковров, а деревянный пол местами покрыт темными пятнами. Она знает, что это за пятна, но запрещает себе бояться. Справа от нее на стене – два гобелена со сценами охоты, освещенные огнем камина. Так, значит, он воображает, будто охотится на них всех. На нее.

Она пришла сюда, чтобы положить этому конец. Этой ночью он – дикий зверь, а она – охотница. Она всю жизнь охотилась на диких зверей в лесах вокруг их собственного дворца. Эта мысль придает ей смелости. Она улыбается дрожащими губами и преклоняет колени на

ковре, робко приветствуя графа. Опускает голову, сжимает руки, но молчит. Было бы большой дерзостью, заговори крестьянка с правителем Милазии прежде, чем он ей велит это сделать.

– Встань, – приказывает он низким, спокойным голосом. – Я посмотрю на тебя.

Она быстро встает, все так же потупившись. Он приказывает ей поднять голову. Она подчиняется, стараясь не смотреть ему в глаза. На нем халат синего шелка, свободно подпоясанный. Под халатом – ничего. Он крупный мужчина; немолодой, но все еще брюнет, почти без седины. Военачальник, который командовал армиями и завоевал этот город мечом. Такое часто случалось. Фолько тоже наемник.

Но Фолько не такой, как этот человек. Этот – чудовище, и она пришла в его логово. Пламя в камине дрожит. Это мой выбор, снова напоминает себе Адрия.

– Ты такая старая, – произнес граф Милазии. – Товар, забытый на прилавке на солнце-пеке. Увядающий, как увядает все прекрасное. – Это звучало, как стихи, только вот в ее жизни на стихи вечно не хватало времени. – Расстегни пуговицы, – велит он. – Ну же. Покажи себя.

Она смотрит на него, широко раскрыв глаза. Чуть было не прикусывает губу, но вовремя спохватывается. Он улыбается и подходит ближе. Кладет ладонь на ее предплечье – не резко, просто для того, чтобы подвести ее к одному из каминов. Там больше света, понимает она. Он хочет ее рассмотреть. Она дрожит. Это уже была не игра. «Ты не отрицаешь страх, ты его побеждаешь». Она подносит руки к пуговицам платья, которое привезли для нее на ферму: зеленый корсаж, отдельные рукава – красно-коричневые, как и длинная юбка, доходящая до щиколоток.

Он наблюдает, не отрывая глаз от ее пальцев. Пуговицы твердые, нетрудно сделать вид, что все это в новинку для нее, рослой, неуклюжей крестьянской девицы, привыкшей носить тунику до колен, которую надевают через голову. Если бы граф осмотрел ее руки, то убедился бы, что они огрубели от работы. Она провела здесь, на ферме, несколько месяцев, а перед тем, как поехать на юг, работала на открытом воздухе в Акорси. Это придумал Фолько. Он из тех, кто все продумывает заранее.

Граф отходит немного назад, пристально глядя на нее. Она заканчивает возиться с пуговицами, и верх платья распахивается.

– Старая, – снова произносит Уберто, который смотрит не на ее руки, а на грудь. – Слишком старая, слишком долговая. Перезрелый плод. И губы тонкие.

Ей нужно, чтобы он ее поцеловал или она поцеловала его руку. Но он не должен понять, что она этого хочет. Все чего-нибудь хотят, думает она.

Он опять подходит ближе. Она отворачивается.

– Нет, – произносит граф Уберто Милазийский. – Нет. Ты не должна отворачиваться. Только не от меня.

Она молчит. Он кладет два пальца левой руки ей на щеку и силой поворачивает ее лицом к себе. Она начинает дрожать. При виде этого он улыбается.

Ему нравится, когда его боятся, думает она.

Он передвигает руку с ее щеки на затылок, вцепляется ей в волосы и притягивает к себе. Его рот накрывает ее губы, грубо впиваясь в них.

В то же мгновение его правая рука вонзает в ее бедро кинжал.

Адрия вскрикивает. Боль подобна стремительной и мощной волне, и она понимает: возможно, клинок этого человека отравлен.

Только вот у нее самой яд *на губах*.

Между слоем яда и непосредственно кожей специальная прослойка, которая защищает от смерти носителя. По крайней мере, так обещал ей человек из Эспераньи, когда она еще была дома, в Акорси.

Уберто проворачивает кинжал в ране, потом выдергивает его. Адрию пронзают боль и отчаяние.

– Мой господин! – восклицает она. – За что?!..

– Больно, да? В самом остром наслаждении сокрыта боль, – говорит человек, который был здешним правителем. – Сегодня ночью ты это узнаешь.

Он все еще держит в руке клинок. Адрия смотрит вниз. На ее разорванном платье проступает кровь, и на ковре кровь тоже. Серьезная рана. Неизвестно, сможет ли она идти. Если нет, это означает смерть.

Но...

Она позволяет себе сделать несколько нетвердых шагов к камину, словно потеряла равновесие из-за раны в ноге. Он наблюдает за ней потемневшим взглядом. Можно даже сказать – голодным.

– Мы рождаемся в крови, – говорит Уберто Милазийский. – Девушке твоего возраста это должно быть известно уже много лет.

Адрия опирается рукой о стену рядом с камином.

– Мой господин, – повторяет она, всхлипывая. Ей кажется, что нога вот-вот перестанет ее держать. Она и в самом деле не знает, сможет ли опереться на нее. Ей хочется заплакать. «Все чего-нибудь хотят».

– Раздевайся, – велит он. – Надо взглянуть на твою рану. Мы должны ею заняться.

– Вы ударили меня кинжалом, мой господин, – отвечает Адрия, чтобы потянуть время. Человек из Эспераньи обещал, что долго ждать не придется.

– Да, ударил. И, возможно, ударю снова, а также сделаю еще некоторые другие...

Человек из Эспераньи не солгал. Уберто Милазийский начинает фразу, но так и не заканчивает ее, как не закончит уже никакую другую.

При виде того, как кинжал падает из его руки, Адрия ощущает не только облегчение, но и, кроме всего прочего, холодное удовольствие. Быть может, она умрет здесь, если не сможет нормально двигаться, но когда стоящий перед ней мужчина подносит руку к горлу, открывает рот, чтобы закричать, оттуда не вылетает ни звука. Это человек из Эспераньи тоже обещал: жертва не сможет закричать, позвать на помощь. Уберто просто рухнет, не произнеся ни слова, хотя при падении может возникнуть шум.

Шум действительно был, но негромкий. Уберто вытягивает руку в поисках опоры, но там, где он стоит, ничего не оказалось. Те, кто стоят снаружи, могут посчитать тихий, глухой звук удара об пол частью всего, что здесь происходит, так же, как и ее крик. В конце концов, думает Адрия, я не первый человек, который кричит в этой комнате в обществе Уберто Милазийского.

Однако она станет последней. Вот и всё.

Его глаза широко открыты, в них застыл ужас. Задыхаясь, он обеими руками вцепился в свое горло. Наверное, удовольствие, которое Адрия испытывает сейчас, недостойное чувство, но она не собирается задумываться об этом. Она отходит прочь от стены и камина, и у нее чуть не подламывается нога. Девушка охает от боли. Однако Уберто вонзил кинжал не до конца, не по самую рукоять. Он только хотел, чтобы она боялась. Возможно, кровь его возбуждала, но на лезвии не было яда. Значит, его нет и у нее в теле.

Она смотрит на мужчину, лежащего на ковре. Он все еще пытается позвать на помощь – управляющего за дверью, или святого Джада, или отогнать демонов, которых, возможно, видит сейчас, когда заканчивается его земная жизнь.

Но он еще не умер. Адрия наклоняется, задохнувшись от боли, которую причинило движение, и подбирает упавший кинжал. Стоя над графом, она спокойно произносит своим обычным голосом:

– Фолько Чино д'Акорси решил, что ты попусту тратишь жизнь, подаренную тебе Джадом. Мое имя – Адрия Риполи. Ты должен знать мой род. А теперь умри в страданиях, навсегда лишенный света.

Синий халат графа распахнулся. Перенеся вес на здоровую ногу, Адрия нагибается и вонзает кинжал в гениталии жертвы. А потом делает это еще раз – для верности и за всех тех, кто погиб в этой комнате.

Адрию нельзя назвать добросердечной женщиной, и всю ее родню тоже; но когда перед вашим внутренним взором предстают все эти охваченные ужасом дети, которых приводили сюда для жестокого надругательства, а иногда и убийства, это может заставить вас прибавить кинжал к яду на губах и пустить его в ход именно *так*.

Она смотрит, как он умирает. Еще больше крови – очень много крови – на этом красивом восточном ковре. Именно такой конец, по ее мнению, граф и заслужил – умереть голым и изувеченным. Если и существуют в их мире люди хуже его, Адрия не хотела бы оказаться в одной комнате с кем-либо из них. Впрочем, теперь Уберто принадлежит Джаду, который вынесет ему окончательный приговор. И на этот суд его отправила именно она, Адрия. Ей же предстоит еще кое-что сделать – если, конечно, она сможет и если ей действительно хочется жить. А жить ей очень хотелось; Адрия не была готова предстать перед Джадом.

– Мой господин, прошу вас! – громко произносит она голосом девушки с фермы. Потом бросает кинжал и, хромая, подходит к окнам, стараясь не плакать. В одно из них вставлены и закреплены новомодные стекла, другое по старинке закрывают ставни. Это тоже взяли на заметку еще до ее появления здесь. Фолько подготовился. Его люди тоже подготовились, иначе они не были бы его людьми.

Она открывает ставни. Те скрипят, но очень тихо. Этот звук не услышат. Адрия высовывается из окна и смотрит вниз.

Веревка на месте; привязанная к крюку в каменной стене, она исчезает в темноте. Некоторое время назад они послали в Милазию человека, который умел взбираться на стены. Он должен был вбить крюк предыдущей ночью, а сегодня вечером, после того, как стало известно, что ее вызвали в замок, привязать веревку. Ей же следовало оставить ставни открытыми, чтобы стражники, вбежав, кинулись к окну, увидели веревку...

И пришли к ложному выводу. Потому что в действительности по этой стене невозможно пробежать из дворца. Для нее – невозможно. Три этажа над уровнем земли – Адрия, конечно, обладала навыками, полезными для нее самой и для Фолько, но спуск по веревке в их число не входил. К тому же на площади внизу всегда дежурили стражники.

Однако тем, кто вбежит в эту комнату, неизвестно, что она умеет, а что не умеет. Они не подозревают о том, что Фолько подкупил бывшего слугу из замка Уберто, чтобы тот описал им внутренние помещения в покоях графа и рассказал о потайной лестнице. Обязательно должна быть потайная лестница, ведущая из личных покоев правителя, сказал Фолько. Адрия знала это: во дворце ее семьи такая тоже имелаась.

Нужно добраться до этой лестницы, потом спуститься по ней и выйти туда, где ее будут ждать люди, которые помогут ей уехать. Там будет конь, свобода, жизнь.

Только вот она почти не может двигаться и боится, что потеряет сознание от боли.

Адрия шипит ругательство. Если бы этот сукин сын не пырнул ее кинжалом...

С другой стороны, у этого сукина сына были намерения пострашнее, но теперь он мертв. А она – нет.

Никто и никогда не обещал ей легких путей в жизни. Отец – уж точно. Не такой он человек. Как дочери герцога, ей полагалось богатство, но не легкие пути. Разумеется, они не для женщины.

Адрия снова возвращается к мертвецу. Нагибается, застонав от усилия, и опять берет кинжал. С его помощью она отрезает от халата Уберто лоскут шелка и зажимает им рану. Затем вытягивает из-под тела убитого пояс халата и туго затягивает поверх: нужно постараться не выдать свой путь каплями крови. Прodelывая все это, она с трудом удерживается от крика. Потом спохватывается и все-таки вскрикивает – негромко, только чтобы ее услышали снаружи.

Оглядывается, соображая, не упустила ли чего-нибудь.

Кровь из раны пока еще не просочилась сквозь повязку. Но скоро начнет, думает она.

Тяжело дыша, Адрия хромает к приоткрытой внутренней двери. Третья комната – так ей сказали, панель на левой стене, у дальней стороны камина. Задвижка в пасти резного деревянного льва.

Падение будет проявлением слабости, говорит она себе, с трудом заставляя тело двигаться дальше. А еще это будет ее гибелью. Вот почему Адрия бредет вперед, опираясь на столы или хватаясь рукой за стены, за столбики кровати во второй комнате. Теперь она уже плачет от боли, то и дело вытирая глаза.

И все же она добирается туда, в третью комнату. Находит льва и нажимает механизм, открывающий потайную панель. За панелью – лестница, но ведь ей и обещали, что она там будет, не так ли?

За панелью абсолютно темно. Адрия вновь шипит ругательство, поворачивается и пересекает комнату, чтобы взять лампу со стола. Окровавленный кинжал она сует за пояс платья и только тут замечает, что пуговицы до сих пор расстегнуты. Она исправляет это. Кого-то могла бы позабавить такая забота о приличиях на краю гибели, но девушка вспоминает растерзанную наготу Уберто, оставленного позади, и в этом нет ничего забавного.

Вернувшись к открытой панели, она шагает на лестницу, тихо вскрикнув, когда приходится наклониться. Задвигает за собой панель и понимает, что на полу и на коврах наверняка остались следы крови. Но с этим уже ничего нельзя было поделать. Остается только надеяться, – молиться? – что их никто не заметит, по крайней мере – сегодня ночью. Что все будут слишком напуганы и расстроены, бросятся к открытому окну, увидят веревку, побегут вниз, на площадь, призывая стражников...

Впрочем, сделав несколько шагов, Адрия осознает, что все это не имеет значения. Ей необходимо спуститься на два этажа по узким, скользким каменным ступеням, держа лампу, а сил на это просто нет.

* * *

Эту встречу я вряд ли когда-нибудь забуду.

Чуть больше года назад Фолько Чино, один из прославленных полководцев Батиары, несколькими годами раньше ставший после смерти своего отца правителем Акорси, отправился с визитом в Авенью, которой управлял клан Риккардиано. Утром второго дня пути он заехал поприветствовать Гуарино, нашего учителя. Фолько был, вероятно, самым знаменитым выпускником нашей школы. Все его так называли, хотя, возможно, это звучало несколько панибратски по отношению к правителю города. Гуарино говорил некоторым из нас, что это сделано намеренно.

– Это чтобы все считали его добрым. Фолько, конечно, может быть добрым, но не обманывайтесь на его счет, – сказал он.

Вряд ли мы могли обмануться, ведь Чино был одним из самых устрашающих командиров наемников того времени. Маловероятно, что, называя герцога просто по имени, люди могли забыть об этом, думал тогда я.

В тот день вместе с Фолько приехали двое сопровождающих. Одним из них была высокая женщина, которую год спустя на моих глазах привели к комнате, в которой ее ждал Уберто Милазийский.

Я узнал ее в Милазии потому, что в тот день, когда к нам приехал Фолько, находился в школьном саду вместе с полудюжиной старших учеников и двумя самыми младшими, близнецами. Когда наш знаменитый гость вошел, братья спели приветственную песнь; их голоса звучали так нежно в утреннем свете позднего лета.

Гуарино коротко кивнул в знак одобрения, когда они закончили. Фолько д'Акорси, улыбаясь, заметил:

– Помню, как сам пел эту песню!

Он дал мальчикам по монете, потом шагнул вперед и крепко обнял нашего учителя, почти приподняв его над землей. Мы были поражены, даже шокированы. Гуарино же, когда его отпустили, поправил свое серое одеяние и сказал:

– Достоинство следует ценить, возможно, превыше всего остального.

Фолько рассмеялся. С того места, где мы стояли, я видел знаменитую пустую глазницу на месте его правого глаза. Он не желал носить повязку. Все знали об этой ране, хотя рассказы о том, как он ее получил, ходили самые противоречивые. По одной версии, ее нанес Теобальдо Монтикола, и это могло кое-что объяснить.

– Цитируете Акцопарди, учитель? – спросил Фолько. – Да вы ведь даже не согласны с его мнением! И потом, как насчет «Никто не заслуживает вашей любви больше, чем тот, кто учит вас мудрости»?

– Да, это тоже его слова, – невозмутимо ответил Гуарино. – И, согласен, мысль несравненно более удачная. Рад, что ты не забыл. Но любовь можно проявить многими способами.

И все же, говоря это, он улыбнулся, я помню. Его тонкие волосы трепал ветер.

– Можно, – согласился правитель Акорси. – Вы отобедаете с нами после охоты, учитель? Эриццио сказал, что мне следует вас пригласить.

Я представлял герцога более крупным, так велика была его слава воина. Волосы Фолько Чино, выбивающиеся из-под мягкой красной шапки, были светло-каштановыми, с проседью, нос напоминал хищный клюв, а щеку с той стороны, где не хватало глаза, украшал шрам. Он был крепок и мускулист. Я тогда подумал, что не хотел бы схватиться с ним врукопашную.

– Пообедаю с удовольствием, – ответил Гуарино. – Передай мою благодарность графу. Но я привел некоторых из наших учеников, чтобы они показали свое мастерство до того, как ты уедешь. Если не возражаешь.

– Конечно, не возражал бы, если бы хватило времени. Но я еду на охоту вместе с Эриццио и Эвардо, и до ее начала нам надо обсудить вопросы, касающиеся Родиаса, Фиренты и событий в них.

– В самом деле, – ответил наш учитель. – Сарди набирают силу.

– Это правда, – согласился Фолько д'Акорси. – Пьеро опять хочет меня нанять. Мою армию.

– Конечно, хочет, – кивнул Гуарино.

Правитель Акорси удостоил нас взглядом.

– Не сомневаюсь, что все вы – образцовые ученики, иначе учитель не привел бы вас сюда этим утром. Примите мои сожаления и добрые пожелания. Продолжайте прилежно учиться и всегда почитайте его, ведь он лучший из нас. Коппо, Адрия, едем, нас ждут.

Он поклонился Гуарино, повернулся и зашагал прочь из нашего маленького садика – агрессивный, образованный, наделенный властью мужчина. Один его глаз ярко горел, другой был пуст и темен. Высокая молодая женщина и мужчина в костюмах для верховой езды последовали за ним.

Мы знаем, что он самый лучший, хотел сказать я, но благоразумно промолчал. Вот почему я так и не сел в седло в то утро, чтобы продемонстрировать Фолько д'Акорси, на что я способен. А ведь как знать, возможно, произойди это, и некоторые события развернулись бы по-другому. Впрочем, я никогда и ни с кем не делился этими мыслями.

Однако в то утро я действительно видел эту женщину – высокую, рыжеволосую, худую – и то, как она окинула скучающим взглядом сад. И слышал ее имя. Мы говорили о ней потом. Да и как могли не говорить о ней молодые люди, видевшие Адрию, младшую дочь герцога Ари-

манно Риполи, правителя Мачеры, племянницу Катерины Риполи д'Акорси и, соответственно, племянницу Фолько со стороны жены?

Но не это имя она назвала Морани в Милазии, когда ее привели по дворцовой лестнице как девушку с ближней фермы, вызванную к графу для развлечений.

А я стоял в полумраке на черной лестнице и ничего не сделал. Я просто смотрел, как Морани обыскал ее и проводил до двери, постучал и пустил внутрь, услышав приказ графа.

Вот почему я до сих пор, по сей день, считаю, что душа Морани и его смерть занесены в божественных книгах на мой счет.

Когда моя жизнь закончится и меня призовут на суд, я попрошу, чтобы на другую чашу весов положили смерть Уберто в ту ночь, а еще невинные души – спасенные и отомщенные. Конечно, я не убивал Уберто, как не убивал и Морани, но, глядя, как та женщина входит в покои герцога Мачеры, я знал, что ее прислал Фолько, и знал для чего.

Конечно, то было убийство не ради справедливости, но ради власти, ради ее жестоких игр, ради танца гордости и вражды наших дней. Я был учеником Гуарино, не так ли? Я знал географию этого уголка мира. Знал, где находится город Теобальдо Монтиколы, и где город Фолько д'Акорси тоже. И что Милазия лежит между ними. Но все же, держа флягу вина, за которой послал меня Морани, и наблюдая, я решил: вопрос «почему» для меня не имеет значения, если Зверь умрет этой ночью. Я достаточно долго прожил во дворце, видел, что он из себя представляет, а еще был молод, и справедливость кое-что значила для меня.

Что поражает меня, когда я оглядываюсь назад: мне ни разу не пришлось в голову, что эта женщина может потерпеть неудачу.

Я выждал несколько минут, потом ступил в приемную, представлявшую собой скорее открытую лестничную площадку. Вдоль стены, смежной с комнатой, где находились граф и женщина, стоял длинный, низкий сундук. На нем сидел Морани. Я принес ему флягу и чашу. Он откупорил вино и выпил прямо из горла, не потрудившись налить в чашу, затем протянул мне флягу обратно.

Я покачал головой. Он вопросительно приподнял брови. Действительно, обычно в такие ночи я пил вместе с ним. Пожав плечами, управляющий глотнул еще, я же остался стоять, как обычно. Помню, что был испуган и понимал, что не должен этого показывать. Мы прислушивались к звукам из комнаты, в то же время делая вид, будто не слушаем. До нас доносились голоса, но слов мы не слышали, если только их не произносили громко.

Морани спросил – тихо, потому что нас тоже могли услышать с той стороны:

– Не хочешь вина?

Я в свою очередь пожал плечами и солгал:

– Вчера ночью выпил слишком много.

– Молодые люди должны уметь это делать, – сказал он, пытаясь улыбнуться.

Мне удалось скорчить ответную гримасу. По правде говоря, едва увидев эту женщину, я сразу почувствовал, что лучше сохранить трезвую голову.

– Ты знаешь какие-нибудь стихи о садах, Гвиданио? – спросил Морани. – О садах весной?

Он почти всегда называл меня полным именем. Обычно меня звали Данио, а иногда использовали другое сокращенное имя, которое мне не очень нравилось с самого детства.

– Кажется, знаю, – ответил я.

Мы слышали сквозь стену голос графа, который находился в ближней к нам части комнаты, далеко от кровати и от стола, где обычно лежали его любимые «игрушки».

Морани выпил еще.

Я сказал, хотя, возможно, это прозвучало глупо:

– Оно того стоит? Для нас обоих?

Он взглянул на меня.

– Ты имеешь в виду наши души?

– Да. – Хотя я не имел в виду именно это.

– Нет, не стоит, – ответил он. – Я собираюсь написать письмо по поводу тебя этой зимой, Гвиданио. Найти для тебя место получше.

– Вы знаете, что для меня честь служить вам, синьор. Вы знаете...

– Ты не мне служишь! – возразил он и вздохнул. – Я старею, а от меня так много зависит. И я остаюсь здесь в надежде что-то... улучшить? – Он посмотрел на меня снизу вверх, почти умоляюще. – Я видел голод, Гвиданио, видел осады, разграбленные и сожженные города. Ужасные вещи я повидал. Милазии все это сейчас не грозит, люди здесь в безопасности, потому что он...

Резкий голос графа. Потом крик женщины.

Казалось, эти звуки раздалились прямо за спиной Морани. Я вздрогнул. Он приподнялся, потом опять опустился на сундук. Мы посмотрели друг на друга. Он сегодня настроен мирно, недавно сказал он ей. А теперь мы слышали ее крик: «Мой господин! За что?!»

– Сады, – быстро произнес Морани. – Стихи о садах, Гвиданио. Или о чем-то другом. О чем угодно! О солнечном свете.

Голос графа: тихий, скользкий, как оливковое масло, теплый, как подогретое вино зимой. Голоса девушки больше не слышно. Мне полагалось читать стихи. Я все-таки потянулся за флягой и сделал глоток. В те дни в Милазии графа Уберто подавали хорошее вино. Помню, у меня сильно стучало сердце.

– Трудно вспомнить такой стих, – сказал я.

Морани смотрел мне в глаза.

– Трудности – это то, что делает нас сильнее!

Я опустил взгляд. Гуарино говорил то же самое. В школе, где был сад. Там стремились научить людей быть благородными и талантливыми. И, может быть, добрыми, если им это удастся, особенно тем, у кого есть власть. Большинство учеников школы происходили из семей, обладающих властью, и им предстояло вернуться туда снова.

Я начал читать:

*– Летней ночью мне видится часто картина,
Тот утраченный нами навек уголок.
Плеск фонтанов меж стройных ветвей апельсина,
Дух жасмина разносит ночной ветерок.
Я был...*

Мы слышали за стеной звуки борьбы, потом другие, приглушенные.

Морани повернул голову, прислушиваясь.

То, что я сделал дальше, ничего не изменило бы, потому что в это время Уберто был уже мертв. Теперь я это знаю. Он уже поцеловал девушку, которую привели к нему, – или послали за ним. Но тогда я этого не знал и все же вмешался, чтобы удержать Морани ди Россо на месте после того, как мы оба слышали нечто, напоминающее звук падения тяжелого тела.

– Вам знакомо это стихотворение, синьор? Это перевод с языка ашаритов. Оно написано очень давно на западе, когда они правили в Эсперанье. Еще до того, как неверные пали, пораженные мечами святого Джада.

– Почему ты читаешь мне стихи иноверца? – Он опять повернулся ко мне.

– Гуарино говорит, что можно найти мудрость и красоту в неожиданных местах. Многими нашими познаниями о Древних мы обязаны именно ашаритам, их переводам.

– Я это знаю, – ответил Морани. Сделал еще несколько глотков из фляги, глядя на меня. – И также знаю, что они в данный момент хотят разрушить Сарантий, Золотой город... – его голос оборвался.

– Вы просили стихи о садах, – начал я, после чего мы опять услышали голос девушки – слишком тихий, чтобы разобрать слова. Но затем: «Мой господин, прошу вас!»

Страшно говорить о таком, но после этого Морани откинулся назад, убежденный, что все в порядке: в голосе женщины там, в комнате за его спиной, всего-навсего звучал ужас, слышанный нами уже много раз.

Знаю, знаю... я говорил, что он был добрым человеком. Вы можете согласиться со мной или нет – в конце Бог все равно всех рассудит по справедливости.

Я продолжил читать стихи. Имени поэта я не знал, ведь имена часто теряются в потоке времени. Мое вот, например, будет потеряно – я слишком мало сделал, чтобы меня запомнили. Уберто, возможно, вспомнят – как грязное чудовище или как правителя, который двадцать лет обеспечивал безопасность Милазии. Или по обеим причинам?

Думаю, и Фолько д'Акорси, и Теобальдо Монтиколу ди Ремиджио будут помнить долго. Может, я ошибаюсь. В том, что касается времени, всегда легко ошибиться. Я также понятия не имею, что о них скажут, когда пройдут столетия, а рассказы исказятся и станут ложью, когда, возможно, даже дворцы, которые возвели или перестроили по их приказу, станут руинами, и никто не будет знать, какими прекрасными были тот или иной мужчина или женщина, если только они не останутся запечатлены на портретах.

Возможно, именно живопись переживет всех нас. Впрочем, мне известно по крайней мере одно изображение великого Меркати, которое, хоть и великолепно как произведение искусства, совсем не похоже на живого человека, – а я видел того, кто изображен на той фреске.

С другой стороны, если уж говорить о мастерах искусств, переживших нас всех, то я той ночью читал стихотворение, которое мне очень нравилось, но понятия не имел, кто его написал.

Еще один вскрик, более тихий. На этот раз в нем слышалась не столько физическая боль, сколько душевное страдание. И он по-прежнему доносился не с той стороны комнаты, где стояла кровать, а ближе к гобеленам.

– Следует ли мне окликнуть его? – спросил Морани.

Он никогда не задавал мне таких вопросов и сам, следуя инструкциям графа, время от времени окликал его из-за двери.

Уберто знал, что его ненавидят. Он был осторожен.

– А не слишком рано? – спросил я притворно-равнодушным тоном. Да простит меня Джад и за это тоже. Я знал, что в комнате, скорее всего, происходит нечто такое, чего не должно происходить.

– Слишком рано, – согласился управляющий.

Я дочитал стихотворение с запада и предложил Морани прочесть другое – более новое, одно из его любимых. Оно принадлежало перу Маттео Меркати, которого многие считали не только лучшим скульптором и живописцем нашего времени, но также зрелым поэтом, за что прощали ему его многочисленные прегрешения. Он умер не так давно. Как я уже упоминал, однажды я с ним встречался, а еще на протяжении многих лет думал о том, почему одних людей прощают, а других нет.

Какое-то время мне и хорошему вину удавалось удерживать Морани на месте, но долго это не продлилось – управляющий явно был встревожен. Внезапно он встал.

– Я все-таки его окликну, – сказал Морани и подошел к двери. У меня сильно забилося сердце.

– Мой господин! – громко позвал он. – С вами все в порядке?

Именно так ему было велено поступать в такие ночи, как эта, до тех пор, пока девушку или мальчика не выведут обратно за дверь, или пока не вызовут слуг, чтобы вынести мертвое тело. Уберто к их появлению уже удалялся во внутренние покои. Он не задерживался, чтобы проследить, как Морани руководит выполнением этой задачи.

Когда Морани окликал графа сквозь дверь, правитель Милазии обычно отвечал: «Все в порядке, управляющий», и Морани коротко кивал, хотя видеть его мог только я, после чего снова усаживался на сундук.

В ту ночь он не получил ответа.

Морани повторил вопрос. Из-за двери лилась тяжелая тишина. Меня затрясло.

Морани позвал в третий раз, потом глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться, и открыл дверь. Я мельком заметил, как у него дрожит рука. Он вошел, я последовал за ним.

– Всеблагий Джад, любящий детей своих! – произнес Морани ди Россо.

Я до сих пор помню его голос, произносящий эти слова. Думаю, в тот момент управляющий понял, что тоже мертв.

* * *

Похоже, мужества и воли не всегда достаточно. Или это оказалось слишком тяжело, думает Адрия.

Очень трудно удерживать внимание, даже просто оставаться в сознании, побеждая боль. На сырой, темной каменной лестнице стоит леденящий холод. Девушка слышит крыс, а возможно, и других тварей. У нее есть лампа, позволявшая видеть скользкие ступени, но левая нога не слушается, и поэтому Адрия не может просто миновать лестницу. Ей удастся сесть и сползть со ступеньки на ступеньку, вытянув раненую ногу, потому что сгибать ее без крика оказалось невозможно, и неизвестно, кто мог услышать беглянку за поворотом.

Впрочем, все это будет неважно, если она не сумеет спуститься на первый этаж и добраться до маленькой дверцы, скрытой кустами. Как объяснили девушке, эта дверца открывает путь прямо в осеннюю ночь за городскими стенами, где ее ждет Коппо и другие, где кони и спасение.

Сейчас Адрия сидит на лестничной площадке, пытаясь собраться с силами. Это, должно быть, третий этаж дворца. Если как следует поискать, вероятно, дверь найдется и здесь. Ей необходимо передохнуть. Она понимает, что это опасно, но... ей необходим отдых, хотя бы совсем недолгий...

Адрия приходит в себя от звука и от нахлынувшей боли. Видит на стене над собой свет другой лампы, падающий из-за поворота. Сама лампа и тот, кто ее держит, пока остаются невидимыми. К тому времени ее собственная лампа уже погасла, но какое это теперь имело значение?

Они будут делать со мной ужасные вещи, думает она. К счастью, у нее за поясом кинжал Уберто. Некоторые вещи можно контролировать, даже в самом конце. Интересно, сможет ли она убить еще кого-то прежде, чем ей придется убить себя? Или она просит у Бога слишком много?

* * *

Сначала мы увидели кровь.

Она образовала густую, темную лужицу возле изуродованных гениталий графа. Я уставился на них, потом отвел взгляд, с трудом сглотнув, – я никогда не видел ничего подобного. Раньше я был слишком мал, затем жил в Авенье, пока не повзрослел, и не видел войны. Мы слышали о том, как после захвата городов младенцев ради забавы подбрасывали в воздух и ловили на пики. Но как бы ужасны ни были эти рассказы, они оставались просто рассказами, услышанными в школе. Мы изучали философию Древних, музыку, придворный этикет. Мы сражались друг с другом на деревянных мечях, потом осторожно, под присмотром, на насто-

ящих. Случались переломы и травмы, иногда мальчишки из семей, ненавидящих друг друга, намеренно наносили друг другу колотые раны, но... не такие.

А когда я взглянул на лицо графа, то кое-что заметил. Он вцепился обеими руками себе в горло, будто задыхался. Я и сам с трудом заставил себя дышать. И думать.

Гуарино всегда говорил, что когда настоящий придворный встречается с чем-то неожиданным, то сначала медленно и терпеливо делает определенные умозаключения. Конечно, я не относился к придворным, но он был моим наставником, и я пытался жить так, как он учил.

Я пристально смотрел на Уберто и на то, где находятся его руки. Эта женщина, Адрия Риполи, не могла войти в его комнату с клинком. Ее дважды обыскали. Но у нее мог быть...

– Посмотри! – воскликнул Морани.

Он быстро подошел к окну с открытыми ставнями. Они не должны были стоять открытыми в осеннюю ночь. Я последовал за ним, обойдя лужу крови. Мне было нехорошо, но холодный воздух освежил меня, когда я высунулся из окна рядом с Морани. Управляющий показал вниз, и я увидел крюк, вбитый в стену прямо под окном, и веревку, свисающую с этого крюка.

– Стража! – закричал Морани. – Стража там, внизу! Убийца! Женщина прячется среди вас! Найдите ее! – Он посмотрел на меня, и на его лице отразился ужас. – Неужели она завладела кинжалом и одолела графа? Но как?

Я вернулся в комнату и заставил себя снова посмотреть на тело графа, распростертое на ковре. В своем распахнутом халате покойник выглядел непристойно обнаженным. Его широко раскрытые глаза уставились в никуда. Эти руки у горла. И кинжала возле тела не было.

Морани все еще стоял у окна со ставнями, вновь и вновь крича стражникам на площади. Их ответы снизу были едва слышны. Во дворце его тоже должны услышать, значит, в комнату скоро набегут люди и увидят эту картину.

Я снова огляделся вокруг, надеясь *увидеть* и понять, и на этот раз заметил еще кое-что – наверное, потому, что старался не смотреть на покойника. Я не испытывал жалости к Уберто Милазийскому, но мне было не по себе от вида его тела. Вот почему, отводя взгляд, я заменил три темных пятна крови на деревянном полу у двери, ведущей во внутренние покои графа.

Морани вдруг обернулся через плечо.

– Гвиданио, – сказал он, и я никогда не забуду доброту, заботу о жизни другого человека, которую он проявил в тот момент, – убирайся отсюда! Запомни: ты принес вино, отдал его мне и снова спустился вниз. Теперь уходи, быстро! Ложись в постель или иди туда, где ты был бы сейчас, если бы не стоял здесь!

Не дожидаясь, когда я послушаюсь, он опять высунулся из окна, через которое сбежала убийца. Судя по крикам, внизу прибавилось народу; наверное, уже зажгли факелы.

Только вот убийца не сбежала... точнее, сбежала, но не таким путем. Это обман.

Здесь все было спланировано заранее, подумал я, но они не рассчитывали, что будет кровь.

И тогда я сделал то, что сделал. Сам, никто меня не заставлял. Я мог бы, как мне велели, вернуться в свою комнату по черной лестнице, а потом, когда суматоха во дворце усилится, снова прибежать сюда вместе с остальными. Тогда моя жизнь сложилась бы совсем иначе.

Вместо этого, убедившись, что Морани не смотрит в мою сторону, я подошел к двери, ведущей во внутренние покои, быстро наклонился и вытер капли крови с пола куском ткани, который лежал на буфете. А потом, скользнув в полуоткрытую дверь, пошел по кровавому следу, подтирая на ходу красные капли.

Так что можете назвать меня соучастником убийства, если хотите. Не стану отрицать. Я знал, кто она такая, когда ее привели наверх стражники. Знал, что это обман, в котором участвует Фолько д'Акорси. А потом я пошел вслед за ней, уничтожая следы крови.

Первая комната, вторая. Она была ранена, но что-то предприняла, чтобы остановить кровотечение, насколько это возможно. Тем не менее крови было достаточно, чтобы я безошибочно шел по следу. И другие позже увидели бы ее, оставь я эту улику на месте. Но я не оставил.

В третьей комнате кровавый след вел ко внутренней стене у камина. Я подошел и посмотрел. Ничего не увидел, но и не должен был увидеть. Я много лет прожил во дворцовом комплексе в Авенье. Молодые, любопытные, скучающие, мы бродили повсюду, все исследовали и делали собственные открытия. Я стал ощупывать стену, потом засунул пальцы в пасть льва на стенной панели, привел в действие механизм, который там обнаружил, и часть стены со щелчком сдвинулась в сторону.

Лестница, лежащая в проеме, оказалась черна, как безлунная ночь. Даже еще чернее. Вернувшись, я взял с круглого стола в центре комнаты лампу. Попутно увидел рядом со столом еще одну каплю крови, стер ее и снова направился к отверстию в стене. Не успев даже хорошенько подумать о том, что делаю, о безумии этого поступка, я пригнулся, шагнул в это отверстие и закрыл за собой потайную дверь, как, должно быть, сделала она.

Несколько секунд я стоял неподвижно, только теперь с ужасом осознавая, что предаю правителя Милазии, а заодно и доброго человека, который взял меня на службу и хорошо ко мне относился.

Но если Уберто мертв, то где же здесь предательство? (Не самая честная в моей жизни мысль.) А если я спущусь по этой потайной лестнице и поймаю девушку?..

Но ведь я пришел сюда не за этим, верно? Иначе не стал бы уничтожать оставленные ею следы?

Я сунул кусок ткани за пояс по другую сторону от кинжала в ножнах и начал спуск. Даже с лампой это было небезопасно. Я сразу же чуть не упал на одной узкой, скользкой ступеньке. Внизу не было видно никакого света. Возможно, девушка уже вышла наружу там, куда вела лестница.

Но по мере того, как я спускался, свет лампы в моей руке освещал все больше крови. Теперь это были не просто капли, так что вряд ли убийца шла очень быстро.

Меня беспокоило отсутствие света ниже по лестнице – значит, оглянувшись, девушка сможет увидеть свет моей лампы. Через стену до меня доносились звуки. Во дворце постепенно осознавали весь ужас произошедшего. Конечно, ужаснутся не все, но невозможно предсказать, что теперь случится. Если я возьму девушку в плен или убью ее, то, возможно, стану героем Милазии – или не стану, это зависит от того, кто займет место Уберто. Его единственный сын еще ребенок, жена большую часть времени проводит в загородном доме. Мальчика, подумал я, скорее всего, убьют.

Лестница еще раз повернула. В свете моей лампы я увидел девушку прямо под собой. И остановился.

Она сумела добраться только до этого места и теперь сидела на площадке, где находилась дверь на второй этаж. Ее лампа, погасшая или специально потушенная, стояла рядом. Девушка подняла голову и посмотрела на меня.

– Убейте меня, если у вас есть душа. Наберитесь смелости, – сказала она тихо, потому что было слышно, как в комнате за стеной ходят люди. Впрочем, голос ее был не просто тихим, а слабым и смертельно усталым.

– Вам больно, – ответил я. – Он пырнул вас кинжалом, а потом вы обратили против него собственный же клинок. Но Уберто умер до этого, правда?

Поведение девушки изменилось. Она передернула плечами, но даже не пыталась подняться. Думаю, и не смогла бы.

– Почти умер. Но не совсем. Мне это доставило некоторое удовольствие.

– Пустить в ход кинжал? – Хорошо удовольствие, подумал я. – Значит, это был яд?

Я спустился еще на несколько ступенек. Следовало говорить тихо.

– Вы – тот человек, который стоял на черной лестнице, – сказала она, не отвечая на вопрос. – Я вас видела.

Этого я не знал.

– Да, – ответил я. – Мне известно, кто вы.

– *Что?*

Я небрежно пожал плечами, хотя совсем не ощущал спокойствия придворного.

– Вы – Адрия Риполи из Мачеры, дочь герцога, племянница Катерины Риполи д'Акорси. Вы однажды приезжали в Авенью вместе с Фолько.

Она выругалась грубо, как солдат.

– Да сгноит Джад вашу душу! Вы – мое самое гибельное невезение!

Большее, чем смерть на этих ступенях? – чуть не задал вопрос я.

– Потому что я вас знаю? – уточнил я, заметив, как ее рука потянулась к поясу. – Вам не удастся поразить меня кинжалом. Я могу остаться стоять на том же месте. Могу просто повысить голос и позвать людей, после чего они войдут через дверь рядом с вами.

Рука девушки замерла, она уставилась на меня снизу вверх. У нее были рыжие волосы, которые я помнил еще с той встречи в саду. Глаза были широко открыты, но я не мог определить их цвет и не заметил его в тот, первый раз. Мы все тогда следили лишь за Фолько, за каждым его движением.

Она закрыла глаза, и я подумал, что это из-за боли. Конечно, из-за боли, а иначе зачем бы ей сидеть на этой площадке в темноте? Но тут я сообразил кое-что еще.

– Я – невезение, потому что знаю о вашем знакомстве с Фолько и могу помешать ему осуществить его намерения здесь.

– Если станет известно, кто я такая, я больше не смогу заниматься подобными вещами. Даже если каким-то чудом останусь жива.

– Какими вещами? Убивать людей для Фолько д'Акорси?

Она снова подняла на меня взгляд и, чуть помедлив, ответила:

– Жить той жизнью, которую выбрала.

– Вы... выбрали вот это? Эту лестницу? Убийство?

Сначала она не ответила, просто покачала головой. Потом произнесла другим тоном:

– Вы были в саду, когда мы посещали школу. Были одним из тех, кого привели выступить перед ним. Так вот откуда... Ох, да проклянет за это Джад колесо Фортуны!

Меня это опять удивило. Она была такой короткой, та встреча, а потом д'Акорси позвал ее и второго помощника с собой. Помнится, на охоту.

Я напряженно размышлял, но так и не пришел ни к какому результату, и мне это не понравилось.

– Если бы я хотел убить или разоблачить вас, то к этому моменту уже закричал бы, не так ли?

Ей потребовалось вдохнуть несколько раз, чтобы снова заговорить:

– Тогда зачем вы здесь?

– Я был бы счастлив, если бы понял.

Она тихо рассмеялась. Действительно рассмеялась в этом холодном, страшном месте, раненая, ожидающая смерти. Потом сказала:

– Значит, нужно каким-то образом сделать вас счастливым. Может быть, поцеловать?

Это не то, чем кажется, подумал я.

– Вы так его отравили?

Подождав несколько секунд, она кивнула:

– Очень умно с вашей стороны. Фолько говорил, что Гуарино – лучший учитель Батиары.

– Обычно мы говорим просто «лучший человек».

Настала ее очередь пожать плечами.

– Фолько тоже так считает. Итак... почему же вы не позвали остальных? Чем вы занимаетесь, кроме того, что хотите быть счастливым?

Я не ответил. По другую сторону стены сейчас было тихо, комната, наверное, опустела.

– Эта лестница оканчивается за пределами города? – спросил я немного погодя.

Дворец вплотную примыкал к городской стене Милазии, и если последний поворот лестницы вел на запад...

– Так мне сказали.

– У них для вас есть конь? Вас встречают?

– Да, – ответила девушка и вздохнула. – Такой был план. До того, как эта грязная тварь ударила меня кинжалом и провернула клинок в ране.

– Вы не можете идти?

– Я могу прыгать и плясать, – с горечью ответила она. – Просто сидела здесь, чтобы любоваться видом и вести остроумную беседу с тем, кто придет схватить меня.

– Идемте, – сказал я. Вот так просто. Жизни меняются в одно мгновение. – Если вы обопретесь на меня, сможете спуститься по этой лестнице?

Девушка посмотрела вверх в мерцающем свете моей лампы.

– Почему вы это делаете? – спросила она.

Очень хороший вопрос.

– Сам не уверен, – ответил я. – Я возненавидел Уберто, и на это не понадобилось много времени. Человек, которого я уважал во дворце, почти наверняка уже мертв – из-за вас. Вы пробрались мимо него с ядом и убили. И я не испытываю никаких чувств при мысли о том, что Фолько д'Акорси получит власть в Милазии.

– Очень точный ответ, – сказала она, помолчав несколько секунд. – И умный.

– Это очень великодушно с вашей стороны. Но ответьте, вы можете стоять? Можете двигаться?

– С помощью – возможно.

– Кинжал, спрячьте его.

– Учтите, я всегда могу достать его снова. – Но она все-таки убрала кинжал.

Я спустился к ней. Рана оказалась в ее левой ноге. Она чем-то ее перевязала, высоко. Я подошел к девушке с той стороны, переложил лампу в другую руку, с усилием поднял Адрию и поставил прямо, держа за предплечье. Она застонала, покачнулась. Я перекинул ее руку себе на плечи и сказал:

– Нам нет необходимости спешить.

– Ни малейшей, – пробормотала она сквозь стиснутые от боли зубы.

– Смотрите: я делаю шаг вниз, а вы прыгаете на здоровой ноге.

– Ах! Вот каким танцам вас учили в Авенье?

Моя очередь удивиться смеху. И еще одному чувству, возникшему в тот момент.

– А в конце мы расцелуем друг друга в обе щеки, – проворчал я, принимая на себя вес ее тела, насколько мог.

– Это убило бы вас, – тихо напомнила она.

Я забыл. На мгновение забыл.

– В таком случае, несомненно, отложим поцелуй, – сказал я, делая первый шаг вниз.

В левой руке я держал лампу. Она была нам необходима. Моя правая рука обвивала талию девушки, я поддерживал ее, как мог.

– Отложим, синьор? Отложим наш первый поцелуй?! – возмутилась Адрия Риполи, и я погиб.

Я точно знаю, когда это случилось. Тот момент, шесть шуточных слов, произнесенных, когда я помогал ей спастись. Я помню это так ясно. Иногда я думаю, что бесконечно буду жить в воспоминании о нас двоих на той лестнице.

Какое-то время после этого я не видел Адрии Риполи.

Глава 2

Согласно семейным преданиям, фермерский дом и фруктовый сад в окрестностях Варены существовали уже тысячу лет, и почти все это время они принадлежали семейству Елены. Даже со скидкой на гордость и преувеличение имелись доказательства того, что они очень древние. В доме даже была старинная, почти стершаяся мозаика с изображением птиц – самых разных птиц – на полу одной из комнат, когда-то служившей, по их предположениям, кабинетом, но на протяжении многих лет использовавшаяся для самых разных целей.

Огораживающую дом каменную стену, которая тянулась вдоль дороги на Варену, часто ремонтировали. На памяти нынешнего поколения это делали дважды. В саду сажали и пересаживали яблони. Сам дом столько раз достраивали, что он раскинулся хаотично во все стороны, и лишь строитель смог бы определить его первоначальные комнаты и стены.

Варена тоже то расширялась, то отступала, когда ее опустошали войны и эпидемии чумы. Сейчас она опять уменьшилась, поэтому дом и участок оказались далеко от городских стен. По мнению бабушки, именно на таком расстоянии стоял дом, когда его только построили. И это дедушка считал, что дом, или, по крайней мере, его отдельные части очень древние. В доказательство он указывал на мозаичный пол. Ему столько же лет, сколько мозаикам в древних храмах возле города, говорил он. Только посмотрите на них.

Елена смотрела, конечно. Девочкой она ходила вместе с дедом рассматривать мозаичные панно на стенах храмов, но очень трудно понять, насколько они древние, если не разбираешься в мозаиках (а кто разбирается в наше время?). Мозаичные панно на полу в любом случае отличались от тех, что на стенах и куполе.

Их собственность *ощущалась*, как очень старая. Это Елена точно знала. У нее также возникало чувство потустороннего присутствия в некоторых комнатах.

Она научилась доверять этим ощущениям, когда они ее посещали. Они отличались от чувства, скажем, голода или от желания. Это было что-то более... внутреннее. Более глубокое? Иногда она *осознавала* присутствие вещей, которых не существовало в реальности или не существовало для других людей. Их она считала духами, потому что не могла подобрать лучшего слова. Возможно, это были призраки.

Елена пыталась однажды поговорить об этом с матерью, но прервала разговор, встретив непонимание и даже страх. Это внушало тревогу. Если ты способна испугать собственную мать?..

В конце концов, повзрослев, она решила, что некоторые ощущения... ну, они у тебя так глубоко внутри, что принадлежат тебе одной. Например, когда ты при первой же встрече точно понимаешь, что какой-то человек хороший или совсем плохой, или если знаешь, что кто-то болен, или чувствуешь, что возле него парит в воздухе нечто...

Подобное знание, к примеру о здоровье человека, могло повлечь за собой визит священнослужителей для беседы или даже кое-что похуже визита, а их семейство и без того нерегулярно посещало храмы солнечного бога. Лучше было не привлекать лишнего внимания к этому старому фермерскому дому за пределами города, который, предположительно, принадлежал царям еще во времена варваров, в те дни, когда свет Джада впервые дошел до Батиары.

Иногда, когда Елена была уверена, что рядом никого нет, она разговаривала с птицами на мозаичном полу. Девушка прислушивалась, ждала ответа. Иногда ей казалось, что она слышит голоса, но не слова.

Об этом она тоже никому не рассказывала.

Но сейчас Елена находилась не дома. Она уехала четыре года назад, еще молодой, незамужней, решив, что не выйдет замуж. Возможность уйти в обитель Дочерей Джада исключала-

лась, учитывая ее веру, и веру матери, и бабушки... Ну, священнослужители назвали бы их язычниками.

Елена не использовала это слово, но под нажимом сказала бы, что бог Солнца Джад – лишь один из богов, одна сила из многих. Есть и другие – в лесах и реках, над головой в небесах, глубоко под землей.

Это была ересь, конечно. В Батиаре было мало неверующих. Никаких ашаритов, кроме рабов, взятых в плен, да и тех, в основном, отправляли на галеры в Серессу, если только не оставляли, чтобы продемонстрировать высокое положение богатой семьи. Еще было некоторое количество киндатов. Так, в Варене жила горстка киндатов, поклоняющихся своим двум лунам. Их терпели, как и в большинстве городов, ради налогов, которые они платили за разрешение исповедовать свою веру, до той поры, пока не наступали плохие времена, и тогда терпимость могла исчезнуть и даже смениться насилием.

Говорили, что киндаты хорошо разбираются в ворожбе, предсказаниях судьбы, медицине. Елена раньше думала – и до сих пор думала иногда, – о том, чтобы поучиться у одного из них, но для женщины это было сложно.

Многое сложно для женщины.

После ухода из дома Елена успела пожить в нескольких городах. Опрятная, маленькая женщина с внимательными глазами и светло-каштановыми волосами, она была спокойным человеком, и, кажется, другие успокаивались рядом с ней.

В этой выбранной ею жизни были, разумеется, свои трудности. Больше трудностей, чем она предполагала. Елена носила кинжалы и научилась метать их, а также наносить удары. Она ни разу никого не убила, но было два случая, когда пришлось пустить клинок в ход. Она подумывала о том, чтобы научиться стрелять из лука, и, хотя так и не собралась за это взяться, все же считала, что лук – полезное оружие для женщины.

За годы после отъезда Елены из Варены через Батиару прошло множество небольших армий наемников и банд преступников. Когда между городами-государствами вспыхивала война, они нанимались на службу к одному из правителей и получали плату за убийства и грабежи. Когда война заканчивалась, наемники лишались заработка, голодали и продолжали убивать.

Вот почему переезды были связаны с большим риском для женщины – да и для мужчины тоже, по правде говоря. Елена старалась поменьше путешествовать.

Отец дал ей немного денег в обмен на отказ от ее доли фермы и сада в пользу братьев. Право собственности на землю передавалось по женской линии (так было всегда, никто и не помнил, когда это началось), но Елена не хотела оставаться, и они обменялись.

Она держалась подальше от Фиренты, этого быстро растущего, агрессивного города, потому что в нем жили агрессивные священнослужители. Сначала Елена жила возле Авеньи, потом два года недалеко от Акорси. Фолько Чино, прославленный наемник, который там правил (его дед захватил этот город), тоже был агрессивным, но с точки зрения веры условия в этом городе были помягче.

Фолько был не просто военачальником, но и образованным человеком. Таких было мало. Можно цитировать философов, думала Елена, и все равно сжечь семью фермера в ее собственном доме.

В последний раз она переехала на юг, ближе к Ремиджио, потому что умирала ее возлюбленная. Елена не сумела ее спасти: у женщины началась лихорадка, которая так и не прошла. Это воспоминание до сих пор причиняло боль по ночам. Елена всегда верила, что определенные моменты в жизни подсказывают тебе, что пора что-то изменить.

Она никогда не старалась оповестить людей, что живет в таком-то месте и может предложить свои услуги больным, но слухи о целителях обычно быстро распространяются в сельской местности, потому что даже бедняки нуждаются в лечении. Обычно эти слухи скрывали от

священнослужителей, поскольку самые рьяные из них считали, что сам факт исцеления является нарушением воли Джада, вмешательством в предназначенный ход жизни. Но в маленьком городке недалеко от Ремиджио – города Теобальдо Монтиколы – Елена вылечила Старшего Сына Джада из обители у стен города. Она боялась тогда (Елена тоже могла испытывать страх) – и потому, что знала его положение в обществе, и потому, что его ранил сам Монтикола, – но священник оказался благодарным и щедрым, и после она чувствовала, что находится под его защитой.

Елена так и не поняла, почему уехала оттуда. Вероятно, ей не нравилось находиться под чьей-то опекой, чувствовать себя обязанной, даже если это было не так. Ее любовник (на этот раз мужчина) собирался в Фиренту. Он был искусным каменщиком, а там все строили и строили, даже больше, чем Монтикола в Ремиджио. Честолюбивая Фирента платила мастерским очень щедро, там всем заправляли банкиры Сарди, хоть об этом и не говорилось вслух. Любовник звал ее с собой, и она думала над этим, но все же отказалась.

Елена тогда решила: настал очередной момент, когда жизнь снова подсказывает ей, что пора что-то менять.

Для безопасности в дороге она присоединилась к группе пилигримов, возвращающихся на север, в Феррьерес, из Родиаса, но потом тихо покинула их раньше, чем планировала: ею овладело чувство пугающей уверенности, когда они миновали маленькое селение недалеко от Милазии.

Сколько бы Елена ни перемещалась по стране, все ее поездки ограничивались одним уголком Батиары. Можно регулярно что-то менять, выдергивать свою жизнь с корнем, как растение, и все равно оставаться вблизи от того места, где ты родилась. Если бы она захотела, то уже через неделю или две могла бы оказаться дома, в саду, пройти по мозаичному полу, повидать родных.

Елена этого не сделала. Она не хотела возвращаться домой. Хотела строить собственную жизнь, с любовью и дружбой или без них, как получится, хотя предпочла бы и то и другое, если бы могла выбирать. Она не понимала, откуда в ней это упрямство, точно так же, как не понимала духов, которых видела, или уверенность, которая ее посещала. Елена была все еще молода, училась со всем этим жить и действительно верила, что ее жизнь не будет обычной, как бы ни сложилась.

Когда-нибудь, думала Елена, она *непрерывно* двинется дальше. Может быть, через узкое море, в Саврадию и даже за нее. Елену манил Сарантий, возможность увидеть Город Городов, это место древней мудрости, которому сейчас грозила великая опасность. Восточный император настойчиво слал просьбы о помощи. Некоторые говорили, что захватчики-ашариты под предводительством своего калифа могут однажды овладеть городом.

Это невозможно, конечно. Стены Сарантия – самые мощные в мире, да к тому же город защищает море.

Елена поселилась в пустом доме в селении неподалеку от Милазии. С презрением отвергла притязания человека, который объявил себя владельцем дома и потребовал от нее плату, но потом предложила помочь его маленькому сыну, страдающему от боли в груди; ей уже приходилось лечить подобную болезнь, и она действительно исцелила мальчика.

После этого все наладилось. Ей платили едой и дровами, что ее вполне устраивало. Она приучила себя не чувствовать одиночество, почти никогда. В окрестных лесах и реке и в ночной тьме жили некие силы, которые ей обязательно хотелось понять, и она изучала их. Как-то, расчесывая волосы, Елена заметила, что в них появилась седина. Она была еще слишком молода, но в ее семье все седали рано.

С того самого дня, как она, избрав свою жизнь, ушла из дому, Елена понимала, что ей, возможно, придется постоянно переезжать с места на место. Такая кочевая жизнь была частью

ее выбора. Безопасность для каждого заключается в чем-то своем, а для кого-то она вовсе недостижима.

Однако у некоторых людей есть призвание. Можно сказать, голос души. Очевидно, Елена была из таких людей, и не было смысла это отрицать. Она всегда в дороге, это ее дорога. В ней живет смех, лукавство. И страсть тоже, которая, впрочем, способна выбить из колеи, и потому Елена старается не слишком в нее погружаться. Она бы никогда не стала утверждать, что ведет себя благоразумно и осмотрительно, но зато точно знала, что ее дар – настоящий, как бы трудно ни было его описать.

Спроси Елену кто-нибудь, довольна ли она, и она ответила бы, что удовлетворена и многому учится. Разумеется, если бы она пожелала ответить этому человеку.

Когда ее привезли, девушка была очень плоха. Елена сразу сказала об этом. По своему давнему опыту целительницы она понимала, как это важно. Людей необходимо подготовить, им нужно объяснить, что к чему, чтобы потом они не винили тебя, если пациент умрет. От гнева и боли утраты некоторые мужчины впадали в ярость, а Елена большую часть времени жила одна, ей нечем было защищаться.

Они оказались в ее доме только потому, что один из сопровождавших девушку мужчин был родом из Милазии и слышал о Елене. Она напомнила себе, что надо спросить, откуда он узнал, где она живет. Это было важно, ведь если люди пришли к ней, потому что опасались обратиться к врачу, значит, она тоже рискует.

Селение – дюжина домов – лежало в двух днях трудного пути верхом на запад от Милазии. Два дня – слишком долгий путь для этой девушки, но всадники, очевидно, чувствовали необходимость уехать от города как можно дальше.

Елена не знала почему. Если там и произошло что-либо, то они обогнали новости.

Чужаки – трое мужчин и женщина, которая едва держалась в седле, – приблизились к низкой ограде вокруг ее дома после захода солнца. Вероятно, они ждали в лесу наступления темноты. Собаки залаяли у калитки, предупреждая.

Сейчас была ночь. Девушка спала в комнате для пациентов. (Елена разделила маленький домик на жилую и рабочую половины.) У нее был небольшой жар – несколько неожиданно, – к тому же пальцы Елены, коснувшись горла девушки, нащупали слишком частый пульс, но подобные вещи не представляли серьезной угрозы, во всяком случае пока. Еще девушка пожаловалась на головную боль, и Елена дала ей настойку из ивовой коры и буквицы.

Следующие дни покажут, не воспалится ли рана. Если это произойдет, Елена мало что сумеет сделать. Рана расположена слишком высоко, даже опытный хирург не смог бы сделать ампутацию ноги, а она – не хирург. Тем не менее Елене казалось, что все неплохо: кинжал, провернутый в ране, проник не так глубоко, как мог бы. Она промыла рану уксусом и смазала медом, наложила повязку. Процесс очищения был, наверное, болезненным, но девушка молчала, стиснув кулаки.

Лечение ран медом было для Елены в новинку. Она не понимала, почему мед помогает заживлению, но он помогал. Сладость против горькой смерти? Красивая мысль, но слишком простая. У отца Карлито – мальчика, которому она помогла, – были улы, и теперь он щедро снабжал Елену медом. Люди могут быть благодарными, добрыми. Мир не всегда жесток.

Чаще всего при такой ране целительнице, сделавшей все необходимое, остается только наблюдать. Всякий раз, когда пациентка просыпалась, Елена давала ей одну из своих настоек, проверяла, нет ли жара, следила за цветом и прозрачностью мочи. Потеря крови вызывала озабоченность, особенно после двух дней в седле. Елена часто меняла повязку. Мог остаться шрам, хромота, но была надежда, что обойдется без этого. Елене следовало сказать тем трем мужчинам, чтобы они молились. Она уже велела им переночевать где-нибудь в другом месте. Если они приехали издалека, да еще к женщине-целительнице, значит, боялись везти

раненую в другое место, а Елене ни к чему опасность у самого порога. Пусть мужчины заглядывают по одному, сказала она, если хотят узнать о самочувствии девушки, и пусть стараются оставаться незамеченными.

Незнакомцы сразу же дали ей серебра, еще у калитки, до того, как внесли девушку в дом. Лица у них были напряженны и испуганны. Возможно, они боялись за себя. Елена отозвала собак ипустила их.

Она была очень важна, эта девушка, – и для этих троих, и для кого-то еще.

Двое чужаков – но не тот, который из Милазии, – напоминали солдат. Понять, кто такая девушка, точнее, женщина, хоть и молодая, – было сложнее. Огрубевшие руки крестьянки, но...

Будет еще время с этим разобраться. Или не будет.

Серебро ее поразило. Такая щедрая плата была исключительным случаем, за этим что-то стояло. С Еленой до сих пор всего однажды расплатились серебром – тот самый Старший Сын Джада из обители в окрестностях Ремиджио. Раны в плечо и щеку ему нанес Теобальдо Монтикола за то, что священник убеждал его, пока еще не поздно, бросить жизнь, полную насилия, любовницу и примириться с Джадом.

Было неразумно убеждать его сделать это. Только не этого человека. Нужно было потерять последний рассудок, чтобы досаждать правителю Ремиджио. О вспыльчивости Монтиколы ходили легенды, говорили также, что он обожает свою любовницу. Красивая женщина, Елена видела ее однажды.

Священнослужителя привезли к Елене потому, что ни один врач в Ремиджио не осмелился его лечить, все боялись правителя. Она до сих пор считала, что раненый поступил глупо, даже если черпал храбрость в своей вере.

Возможно, Теобальдо Монтикола и имел достоинства, но, если верить слухам, был свиреп и безжалостен в гневе. Однажды он проехал мимо Елены, когда она была на городском базаре. Высокий, потрясающе красивый мужчина; по общему мнению, лучший военачальник в Батиаре и, благодаря этому, чрезвычайно богатый. У него имелись поместья даже на другом берегу узкого моря, возле Дубравы. По слухам, виноградники и оливковые рощи. Как правило, каждую весну Монтикола выступал в поход во главе своей армии и воевал за того, кто заплатит ему больше других, обогащая таким образом свой город и его жителей.

Не тот человек, которому стоит бросать вызов в публичном месте и учить, как следует жить.

Можно уважать святого отца за благочестие и все же считать его глупцом. Одно не исключает другое, так бывает на свете.

А ее собственная глупость? Добровольно выбрать полную опасностей жизнь в этом заброшенном уголке света? Так это же совсем другое, отвечала себе Елена, когда ее посещала подобная мысль, но ее саму забавляла эта уловка. Необходимо уметь посмеяться над собой, особенно если ты почти все время одна.

* * *

– Кого из этих двоих мы ненавидим больше? – спросил Верховный патриарх Джада.

Он говорил легко и небрежно и был в хорошем настроении. Это случалось часто. Сейчас, в это осеннее утро, патриарх находился в роскошно украшенной ванной комнате главного дворца Родиаса. Одной рукой он ласкал новую фаворитку из придворных дам, а в другой держал апельсин из Кандарии, наслаждаясь разницей ощущений при прикосновении к упругой груди и упругой коже спелого плода.

Самый непогрешимый священнослужитель в мире джаддитов был погружен в глубокую и очень горячую ванну. Его лекари не одобряли горячие ванны, полагая, что это открывает

поры и тем самым способствует заражению. Патриарх предпочитал не обращать внимания на их мнение. Он готов был рискнуть и своими порами, и их заражением.

Женщина находилась в ванне вместе с господином, приятно розовея и хихикая от его прикосновений. Двое советников сидели высоко на каменной скамье слева от ванны. Патриарх предложил апельсины и им, но они отказались. В комнате было чересчур тепло: пылал огромный камин, над которым располагалась фреска с изображением Джада, наверняка написанная рукой знаменитого мастера. В этих дворцах было до невозможности много произведений искусства.

Патриарх видел, что советники обливаются потом и постоянно вытирают мокрые лица. Это его забавляло. Сегодня утром он действительно был очень доволен жизнью. Под водой у него случилась эрекция, а такое не часто бывало с прелатом по утрам.

Скоро он отпустит мужчин, и пусть эта женщина делает то, что она обычно делает. Но сначала нужно решить эту досадную проблему с Фолько д'Акорси и Монтиколой ди Ремиджио. Верховному патриарху Скарсоне Сарди казалось, что принимать какие-то решения, связанные с этими двумя мужчинами, приходится слишком часто. Он занимал свое высокое положение меньше года, и все это время их имена постоянно всплывали, а ведь они даже не были правителями важных городов.

Его дядя Пьеро в Фиренте, который с помощью своего состояния банкира контролировал столь важный город (большая часть этого состояния пошла на то, чтобы сделать Скарсоне патриархом), настаивал, чтобы племянник что-нибудь предпринял по поводу вражды между этими двумя мужчинами. «Это вопрос стабильности в срединных областях Батиары», – написал ему Пьеро только на прошлой неделе.

К несчастью, дядя, человек бесспорно острого ума, не уточнил, что должен сделать Скарсоне. Прекрасным решением, конечно, было бы убийство одного из этих людей.

Или обоих, подумал патриарх, любуясь зрелой красотой сидящей рядом с ним женщины. Непросто сосредоточиться на делах городов-государств, когда ты возбужден, но каждый несет свое бремя. Приходится идти на жертвы ради господ, откладывая удовольствие (ненадолго) ради долга.

Дело же, как только что дали понять советники, стало еще более сложным и срочным после убийства Уберто Милазийского, свершившегося пять дней назад.

Видит Джад, никто не стал бы оплакивать Уберто, но Милазия лежит посередине между городами двух правителей, которые так всех беспокоили, и есть... вероятность, как деликатно выразился один из советников (здесь, в Родиасе, все такие деликатные, часто думал Скарсоне), что тот или иной из них приложил руку к смерти ее графа.

Было очевидно, что праздновать это событие нельзя.

Уберто, каким бы он ни был жестоким, играл свою роль в поддержании равновесия в политике и власти в этой части света, говорили советники, пока патриарх наслаждался горячей водой, а они потели. Кто знает, что произойдет теперь в Милазии и на землях вокруг нее? Кто может прийти там к власти? Чьи интересы он поддержит? Короче говоря, обстоятельства теперь непредсказуемы. А власть церкви, как выясняется, лучше всего защищают мирские власти.

По мнению Скарсоне Сарди, ситуация в мире всегда была непредсказуема или прямо-таки опасна. Это было нормой существования в их время. Так, ему все время твердили, что проклятые Джадом ашариты и их кошмарный калиф Гурчу того и гляди захватят Сарантий.

Вот кого стоило бы убить, подумал он. Не то чтобы у них имелся способ это сделать, но все же.

Разумеется, Скарсоне не питал особой любви к жителям Сарантия. Заносчивый Восточный патриарх, которому почти сто лет, постоянно поучает его; пишет письма одно за другим, напоминает о долге, требует войск и денег. Но даже Скарсоне не собирался отрицать, что будет

очень плохо, если Гурчу захватит то, что все называют самым великолепным городом мира. Золотой Сарантий.

В то же время собрать войско и отправить его по морю или по суше на защиту Сарантия было не в его силах. Неужто Восточный патриарх всерьез думает, что Скарсоне имеет реальную власть над здешними городами-государствами, или над королями Ферьереса и Эспераньи, или над Священным Императором джаддитов в Обравиче, которому полагается подчиняться ему, Верховному патриарху, и защищать Господа, но который вместо этого сам представляет большую угрозу?

Угрозы, опасности, нарушение баланса сил. Можно вечно ходить мрачным и ожидать удара судьбы, а можно наслаждаться тем хорошим, что есть в этом мире, тем более что хорошего для некоторых довольно много.

Проблемой в данный момент являлись Фолько Чино и Теобальдо Монтикола.

Может, они прикончат друг друга, подумал Скарсоне.

Они действительно выдающиеся полководцы, эти двое, военачальники огромных армий наемников, а ему, Верховному патриарху, нужны армии. Каждый из них может послужить ему – или его врагам, в зависимости от того, у кого сундуки окажутся глубже в конкретном году. И, кому бы ни служил один из них, второй, вероятно, встанет на другую сторону. Эти двое, как ему доложили, также влияют на равновесие сил в данное время.

Еще немного, и я, пожалуй, возненавижу это слово, подумал Скарсоне.

Ему еще многому предстоит научиться. Он с этим согласен. Он не глуп, хотя и подозревал, что некоторые здесь считают его глупцом. Очень скоро они поймут, что к чему. Кроме того, за его спиной стоит дядя, а дядя Пьеро не из тех, кого кто-нибудь рисковал считать глупым или хотел бы рассердить.

– Не следует ли нам обождать и посмотреть, как сложатся дела в Милазии?

Скарсоне спросил об этом мгновение назад. И сейчас советники, примолкнув и обливаясь потом так, что потемнела одежда, пытались придумать ответ на весьма удачный, на его взгляд, вопрос.

Выждать, не торопиться – часто это становится наилучшим решением, считал патриарх. Проблема может рассосаться сама собой. Такое не раз случалось с ним при различных обстоятельствах в те годы, когда он был умеренно (по собственному мнению) неуправляемым юношей в Фиренте, а потом священником Джада, поставленным на эту должность дядей, который считал это отличным способом возвыситься самому Скарсоне, а заодно возвысить и семью Сарди.

Дядин план оказался успешным. Скарсоне не знал, сколько денег потратил Пьеро на покупку высочайшего поста для него и для всей их семьи. Ему и в голову не приходило этим поинтересоваться.

В тишине, последовавшей за первым вопросом, патриарх и поинтересовался, кого из двух головорезов в Родиасе ненавидят больше. Просто из любопытства.

Два хороших вопроса, подумал он, и ни на один я не получил ответа.

Скрытая водой женщина провела ступней по внутренней поверхности его бедра. Сначала вверх, потом вдруг вниз, словно застеснялась. Какая она, оказывается, гибкая...

Один из советников, северянин, прочистил горло. Другой, заметив это, открыл было рот, но тут же вновь закрыл. Ему хотелось заговорить первым, только он не знал, что сказать. Со Скарсоне такое тоже бывало во время семейных советов.

Хватит. Надоели.

– Мы подождем, – произнес он. – Пока не предпринимайте ничего. Пошлите в Милазию людей, пусть выяснят все, что удастся, об убийстве Зверя. Мы до сих пор этого не знаем.

Ему нравилось говорить «Зверь» вместо «Уберто».

Теобальдо Монтиколу люди называли Волк Ремиджио, но это другое. Это прозвище говорило о доблести в бою, а не об извращенной жестокости. Дядя предупреждал Скарсоне, что,

занимаясь умирением правителей Акорси и Ремиджио, нужно проявлять осторожность. Они не обладают большим влиянием, их города слишком малы – в отличие от Серессы или Мачеры (которая представляет угрозу под управлением семейства Риполи), или от растущего величия его собственной любимой Фиренты, – но у этих военачальников имелись большие и преданные им армии. И еще они ненавидели друг друга по причинам, которых никто не мог разумно объяснить. Что-то из их прошлого.

Впрочем, можно ненавидеть друг друга, даже забыв о причине вражды, подумал Верховный патриарх. По привычке.

По правде говоря, он считал, что лучше всего позволить этим двоим сражаться друг с другом. Один победит, другой погибнет, а может, погибнут оба? Несомненно, в Батиаре найдутся другие способные военачальники из более молодого поколения, к которому принадлежал и сам патриарх. Возможно даже, Родиас сможет распространить свою власть на город одного из них. Или на оба города!

Это игра, подумал Скарсоне. Да, люди умирают во время игры, но так всегда бывает, не правда ли, и разве это так уж важно? Ему еще может понравиться эта игра – со временем, – а в данный момент есть и другие развлечения.

– Таково мое решение, – объявил он. – Подождем. Можете быть свободны. – И, когда эти двое встали, дружелюбно прибавил: – Мы об этом еще поговорим.

Советники поклонились и вышли совершенно отсыревшие.

– Мне тоже уйти? – спросила женщина притворно огорченным тоном.

Верховный патриарх Джада громко рассмеялся и брызнул на нее водой. Она обрызгала его в ответ, это было неожиданно и восхитительно.

* * *

Незадолго до этого в раскаленном от летней жары Акорси, который расположен вдали от моря, смягчающего зной, и не имеет порта, правитель города Фолько Чино пришел под вечер в покои своей супруги Катерины, и, как часто бывало, любовался ею.

Служанка расчесывала распущенные волосы госпожи, по-прежнему рыжеватые и блестящие, хотя та уже была не молода и успела родить четырех детей – все выжили. Расчесанные волосы служанка надушит мускусом и припудрит истолченной в порошок гвоздикой. В семье Риполи все были рыжими, и мужчины, и женщины, – а с тех пор, как они стали герцогами Мачеры, еще и надменными, пусть даже герцогство было куплено. Брат Катерины заплатил за него сногшибательную цену Священному Императору джадиттов, который всегда нуждался в деньгах и отстаивал свое право раздавать титулы.

Глядя на себя в зеркало, рама которого была украшена жемчужинами, Катерина сказала любимому мужу:

– Предупреждаю: если с ней что-нибудь случится, я уйду от тебя в монастырь.

То был старый разговор. Фолько, известный верностью своей жене, откашлялся, кивком указал на служанку (жена увидела это в зеркало) и ответил:

– Ты всю жизнь только и делаешь, что предупреждаешь меня то об одном, то о другом.

Они не называли имя человека, о котором шла речь. В этом не было необходимости.

– Мне это не нравится, – сказала Катерина.

– Я знаю. И она знает. Ее родителям это тоже не нравится, и ни одному священнику в Батиаре это не понравится. И что, значит, ей надо было замуж выйти? Или уйти в монастырь? Твой брат может купить для нее пост Первой Дочери в любом монастыре и заодно, возможно, спасет этим свою душу.

– Она вряд ли там осталась бы, да и Ариманно для спасения души этого маловато.

– Вот именно, – согласился правитель Акорси. – Так зачем мы опять это обсуждаем?

– Потому что она не должна жить такой опасной жизнью, – ответила его жена.

Она все еще стояла спиной к супругу. На столе перед ней лежали серьги, кольца и ожерелье, и она собиралась надеть их перед тем, как встать из-за стола, – Катерина никогда не выходила из своих комнат без украшений. Она была щедрой, необычайно умной и любила драгоценности.

– Такой же опасной, как у моего двоюродного брата Альдо, и у Коппо, и у любого из тех, кто мне служит, – заметил ее муж.

– Фолько, она – не твой двоюродный брат Альдо и не Коппо Перальта!

– Да. Но она ни в чем не уступает им. Любовь моя, я не просто так это говорю. Она не владеет мечом и не участвует в боях вместе со мной, но почти во всем остальном Адрия – мое лучшее оружие.

– Оружие, – повторила жена. Она заметила, что на этот раз муж назвал племянницу по имени.

– Она хочет быть оружием, – возразил Фолько. Это и правда был старый спор.

– Она хочет заслужить твое одобрение. Даже твою любовь. В самом деле, если бы я умерла, она бы...

– Прекрати, – оборвал он ее совсем другим тоном.

Катерина посмотрела на мужа в зеркало – он отвернулся, поморщившись. И она прекратила.

– Я не разрешаю тебе умирать раньше меня, – тихо сказал Фолько д'Акорси. – Я тебе это уже говорил.

– «Не разрешаю», – передразнила она, или попыталась, но ей это не удалось.

Помолчав, он сказал:

– Катерина, есть мужчины и женщины, которые отмечены или которые сами себя отметили другой жизнью. Адрия – одна из них. Мы это понимаем. Ее отец тоже понимает, хоть он и против этого. Поэтому она здесь, а не в Мачере, и не вступает в брак, который мог бы отразиться на судьбе Батиары. Я пытаюсь – с твоего позволения – на время предоставить ей эту другую жизнь до того, как ей *придется* смириться со своим положением. Пытаюсь уважать ее желания, о которых она нам дала понять. Любовь моя, на некоторых из этих дорог в какой-то момент может стать опасно. Но это все равно ее выбор, и она давно не ребенок.

Катерина смотрела на него в зеркало, необычайно дорогое, в этой золотой раме с жемчужинами.

– Ну хорошо, но обещаю мне...

– Не могу, – ответил он.

Через три месяца, когда сухая жара закончилась, и началась осень, и за городскими стенами убирали виноград, Фолько опять пришел к жене в ее покои. На этот раз утром, когда солнце только что взошло и в открытые окна были видны горы, пылающие яркой листвой – рыжей, красной, золотой.

Она сидела в халате и читала письмо от своей невестки. Служанка выкладывала первый из ее нарядов на сегодняшний день.

Фолько оживленно произнес:

– Доброе утро! Я должен уехать, любовь моя. Шесть человек едут со мной. Есть кое-какие дела, которыми нужно заняться. Мы поохотимся и... разберемся с тем, что возникнет.

– Всего шестеро?

– Больше не требуется. Это же не война. Я буду тебе писать, как обычно.

Она смотрела на него, не поднимаясь из своего кресла. Ее светло-зеленые глаза было трудно забыть. Катерина Риполи слыла одной из аристократических красавиц своего времени. Женитьба на ней была для Фолько большой честью, оказанной в награду за долгие годы воен-

ной службы Мачере. Отец, вопреки обычаю, предоставил Катерине возможность отказаться от этого брака, но она не отказалась.

– Возвращайся ко мне, – сказала Катерина. – Не умирай.

Она всегда так говорила.

– Я пока не могу умереть. У меня осталось слишком много грехов, которые я не искупил, чтобы попасть в свет Джада.

– В самом деле. И что ты собираешься делать с этими грехами?

– А разве я не делаю? Мы строим святилище.

– Ах, да! Этот шум губит каждое мое утро.

– Мы все чем-то жертвуем ради веры, – усмехнулся Фолько.

По правде говоря, он был уродливым мужчиной – отсутствующий глаз, шрам, крючковатый хищный нос, – но от его улыбки словно прибавлялось сил. Его любили и мужчины, и женщины, и в первую очередь сама Катерина. Она отвечала взаимностью на его любовь к ней с самого начала и по сей день.

Он наклонился, поцеловал жену и ушел.

Это случилось за десять дней до того, как к Адрии Риполи, изображающей девушку с фермы неподалеку от Милазии, пришел посыльный из дворца, принес одежду и известил, что на следующую ночь ее отведут прислуживать графу. За это она получит щедрое вознаграждение. Если же девушки не будет на месте, когда за ней придут, дом подожгут, а их с тетей и дядей найдут, куда бы они ни сбежали, и убьют.

Коппо Перальта, который с лета жил – также под чужим именем – в самой Милазии, чтобы по поручению Фолько присматривать за Адрией, раньше нее узнал, что скоро ее позовут.

За соседями девушки наблюдали другие люди, приехавшие на юг вместе с Коппо. За несколько дней до появления посыльного видели, как младший сын с ближней фермы отправился в город, и проследили за ним. Он ходил один, не прихватив ничего для продажи на рынке, да и день был не рыночный.

Парень подошел к стражникам у главного входа во дворец, что было необычно для крестьянина, поговорил о чем-то с капитаном, а потом развернулся и покинул город, и больше никаких дел у него там не было.

Фолько еще в Акорси говорил Коппо, что почти наверняка найдется кто-нибудь, кто это сделает. На том и был построен их план. Коппо спросил, можно ли потом убить этого человека, кем бы он ни оказался, но ему ясно дали понять, что нельзя. Во всяком случае, до тех пор, пока все не закончится.

До следующих шагов из дворца Уберто могло пройти какое-то время, но не так уж много, а Фолько всегда учил своих людей опережать события на несколько шагов, а не поспешать за ними. Сообщение доходило до Акорси за четыре дня, по крайней мере в это время года. Коппо отправил на север человека в тот же день, а затем пошел в святилище, которое предпочитал посещать в Милазии, чтобы помолиться.

Если дело наконец-то стронулось, им, несомненно, нужен был человек, который помолится святому Джаду о безопасности и успехе предприятия, и Коппо подходил для этого как никто. Он молился по крайней мере дважды каждый день своей жизни – в святилище, если представлялась такая возможность, – чтобы почтить свою мать и своего бога.

При Коппо постоянно было два человека, да еще одного он нанял прямо тут, в Милазии. Одного из них Коппо поставил у западных ворот, благодаря этому они сразу узнали, когда курьеры из дворца выехали по направлению к ферме, чтобы взглянуть на Адрию. Фолько предупреждал об этом Коппо и Адрию тоже, разумеется. Для Уберто она была старовата и слишком высока ростом, но зато гибкой, с роскошными рыжими волосами. Фолько не сомневался, что ее пригласят ночью к Зверю.

У Коппо было собственное мнение насчет внешних данных Адрии: он бы назвал их весьма скромными, но был бы вынужден признать, что столь низкая оценка отчасти является его реакцией на образ жизни, который она вела наряду с мужчинами, что неестественно для женщины благородного происхождения (для любой женщины!).

Коппо считал, что это неприлично, как с точки зрения мирской, так и перед лицом Джада. Однако девушка была так же нестигаема, как любой из воинов Фолько, и Коппо никогда не слышал от нее жалоб, или отказа выполнить задание, или чтобы она выполнила его хуже, чем... ну, чем сам Коппо, не считая подвигов, требующих большой силы и владения оружием. И еще она держалась в седле лучше любого из них. Это раздражало, но было неоспоримым фактом.

А еще, если говорить по правде, Коппо сомневался, что у него самого хватило бы смелости взять на себя такую роль, какую предстояло сыграть ей: одна, ночью, в покоях графа Милазии, она намеревалась убить его и сбежать.

Коппо отвечал за ту часть побега, когда девушка выберется из дворца. После тревожного разговора с госпожой Катериной в Акорси, накануне отъезда его, Адрии и других утром летнего дня, Перальта осознал, что от того, насколько успешно он выполнит это поручение, зависит и его собственная жизнь.

Если моя племянница не вернется, сказала тогда госпожа, вызвав его в свои покои, я устрою так, чтобы наш новый человек из Эспераньи тебя отравил. Думаю, будет справедливо, чтобы ты это знал.

Справедливо? Это было совсем несправедливо, думал Коппо. Особенно учитывая то, что заговор с целью завладеть Милазией придумал Фолько, одобрила его Адрия, а он сам должен был только помогать, хотя ему этот план не нравился!

Еще более несправедливым все это выглядело оттого, что, каким бы ни было личное суждение Коппо о желанности Адрии Риполи, он считал совершенно непревзойденной красоту ее тети, жены его командира.

Коппо смутился (в комнате, кроме них двоих, находилась только ее служанка), неожиданно вспомнив некоторые свои недавние ночные мысли о госпоже Акорси. А она грозила ему смертью! Да еще от рук надушенного типа из Эспераньи, который явно предпочитал мужчин женщинам. Коппо никогда ни за что и слова не сказал бы против того, что делал его командир, – он любил Фолько и готов был умереть за него, – но его взгляд на мир и на поступки порядочного, храброго мужчины требовал сражаться на поле боя мечами и смотреть в глаза тому, кого ты убиваешь. Коппо даже не нравились луки и ружья, и он терпеть не мог новые полевые пушки.

И все же никто на свете не мог сравниться с Фолько, и если он применил такую тактику – в том числе использовал этого отравителя, отнюдь не воина, приехавшего с запада, – Коппо Перальта сделает все, что в его силах, чтобы быть полезным. Он готов рискнуть собственной душой.

Что до элегантной зеленоглазой женщины, прокрававшейся в его сны, в тот летний день он ответил ей поспешной скороговоркой:

– Если я подведу господина – или вас, моя госпожа, – то заслужу любое наказание, которому вы меня подвергнете, в том числе смерть.

Коппо всю свою жизнь был не придворным, а солдатом – крупным мужчиной, которому не по себе в дамских покоях. Он смущался перед женой Фолько, нервничал, чувствуя себя неловким и неуклюжим. *Просто находясь* вместе с ней в одной комнате, в *ее* комнате. Но он говорил совершенно серьезно.

Она посмотрела на него, – казалось, прямо в его душу, и сказала серьезно:

– До чего ты безупречен. Как он находит и удерживает всех вас? Иди. Иди и делай то, что прикажет тебе твой господин. Привези ее обратно.

Он старался привезти Адрию обратно, но она получила удар кинжалом в бедро, и кровотечение оказалось сильным. Несмотря на это, они не смели остановиться, пока не отъехали на некоторое расстояние от Милазии. Фолько дал ему именно такие указания перед тем, как они отправились на юг.

Правда, на одной остановке Адрия настояла, когда они отъехали совсем недалеко. Она потребовала дать ей маленький мешочек, еще в Акорси полученный Коппо от человека из Эспераньи. Не покидая седла, Адрия что-то сделала со своими губами, используя содержимое флакона из этого мешочка. Коппо вопросов не задавал – некоторые вещи знать не нужно.

Он только знал, что Адрия выполнила то, для чего они сюда приехали. Хаос обрушится на Милазию утром, даже этой ночью, а это значит, что погибнут люди. Это может помешать поискам девушки, которая убила графа и сбежала через окно на площадь, каким-то образом ускользнув от стражников во дворе, а может и не помешать. Стражников теперь ожидал допрос: как она от них ускользнула? А может, они ей помогали? Коппо подозревал, что все эти люди все равно что покойники.

Главным вопросом теперь было, кто захватит власть в городе? У Фолько на этот счет тоже имелись планы, но требовалось время, чтобы понять, можно ли их осуществить. Их собственный Акорси, каким бы он ни был красивым, не имел порта, а Милазия имела. Ну а порт – очень полезная вещь, вот в чем причина всего случившегося.

Коппо с Адрией получили приказ не задерживаться рядом с Милазией. Тем не менее им пришлось остановиться довольно близко от нее, потому что в первую ночь скачки Коппо стало очевидно: если они очень быстро не найдут для Адрии Риполи лекаря, она погибнет.

Один раз он подхватил девушку, когда она уже почти сползала с лошади. Коппо велел сделать остановку в оливковой роще, слишком хорошо просматривающейся в это время года, даже ночью. Он осмотрел ее ногу в темноте (никаких факелов) и почувствовал скорее, чем увидел, как сильно кровоточит рана. Коппо наложил на нее свежий кусок ткани и обвязал потуже, но этого было явно недостаточно. Рану следовало очистить, и смазать, и перевязать. Девушка теряла слишком много крови, она уже начала дрожать.

Леон, который предпочел покинуть Милазию вместе с ними после того, как, вскарабкавшись по стене дворца, вбил крюк с веревкой, сказал, что слышал о целительнице в одном селе-нии, лежащем на их пути.

Коппо это не нравилось, он боялся, но не видел другого выхода и потому велел Леону вести их туда. Иногда остается лишь выбрать меньшее из зол. Путь занял остаток ночи и весь следующий день, и они добрались в нужное место только на закате.

Это было ужасное путешествие. Днем приходилось избегать любых удобных дорог, ведь они не могли позволить, чтобы их заметили. Четыре всадника на добрых конях? Конечно, их появление вызовет разговоры! Но ждать следующей ночи было невозможно. Адрия так долго не продержалась бы.

Двигаясь рядом с ней там, где позволяла ширина дороги или тропы, Коппо вспоминал тот момент, когда она вышла из дворца через низкую калитку, скрытую кустами и боярышником. С ней был мужчина. Он в план не входил, и Коппо подумал, что этого человека придется убить. А потом увидел, что тот поддерживает девушку.

Осторожно приблизившись, Коппо понял, как опасно она ранена, и выругался, хотя обычно старался этого не делать. Это было неблагочестиво. Он услышал, как она сказала мужчине:

– Вы не обязаны были это делать.

– Знаю, – ответил тот. – Назовите меня глупцом, и я с вами соглашусь.

– Могу назвать, – сказала Адрия. Коппо узнал этот ее тон, несмотря на то что голос был очень слаб. Потом она спросила: – Хотите уехать? Вместе с нами?

Коппо заморгал. Что? Что она...

– Я был бы счастлив остаться с вами, – тихо произнес мужчина. Было слишком темно, чтобы его хорошо рассмотреть. Пауза, потом мужчина продолжил: – Но честь требует, чтобы я остался здесь.

– Почему? – спросила Адрия.

– Морани. Я должен попытаться защитить его.

– Вряд ли вам это удастся, – сказала Адрия.

– Он никак не мог знать о яде.

Этот человек знает *слишком* много, подумал Коппо, уже всерьез встревоженный.

– Не имеет значения, – твердо возразила Адрия. – Он меня пропустил.

Хватит, решил Коппо Перальта.

Оба вздрогнули, когда он направился к ним, потом Адрия узнала его.

– Коппо! – воскликнула она. – Джад все же милостив.

– Он милостив, – согласился Коппо и сделал знак солнечного диска. – Ты сделала это?

– Сделала, – ответила она. – Но я... боюсь, мне будет трудно ехать верхом.

– Сомневаюсь, что она сможет, – сказал мужчина. – У вас есть другой план? Лодка?

У них не было другого плана. И кто он такой, чтобы так разговаривать?

– Тебе тут нечего делать, – резко произнес Коппо. – Спасибо, что помог ей. Дальше мы сами разберемся.

Адрия, которая до сих пор стояла вплотную к этому человеку, обнимая его рукой за шею, неловко убрала руку и сказала:

– Вы спасли мне жизнь. Я не забуду нашу встречу.

– И я тоже, – сказал он. – Молитесь за меня.

– Я это не очень хорошо умею делать. Попрошу помолиться Коппо.

Ошибка, подумал Коппо, ей не следовало называть моего имени! Что, если этого человека будут пытаться?

– А он хорошо умеет молиться?

– Очень.

Пауза. Коппо ждал, теряя терпение, – ему хотелось немедленно отправиться в путь.

Адрия сказала мужчине:

– Я бы вас поцеловала в благодарность, но...

– Это меня бы убило. Вы уже говорили. А в данный момент вам этого не хочется.

Коппо услышал, как она тихо рассмеялась.

– В данный момент, – повторила девушка. Затем наконец – наконец-то! – подошла к Коппо, сильно хромая. – Тебе придется поднять меня с левой стороны и посадить на коня, – сказала она. – Я сделаю все, что смогу.

Затем она оглянулась, но ничего не сказала, и тот мужчина тоже ничего не сказал. Для Коппо он был всего лишь смутным силуэтом в темноте, голосом. Незнакомец повернулся, прошел мимо кустов и дерева, назад через калитку и закрыл ее за собой. Они услышали, как лягнул засов.

Если незнакомец помог ей убежать, ему следовало уехать с ними. Возвращаясь во дворец, он обрекал себя на смерть. Он уже все равно что покойник.

Впрочем, это забота не Коппо Перальта. Разве что незнакомца подвергнут пыткам, а он слышал имя Коппо, которое поможет связать события этой ночи с Фолько.

Он хотел было указать на это Адрии, но передумал. Будучи мужчиной крупным и сильным, практически на руках отнес ее туда, где ждали кони. Легко поднял, придерживая обеими руками за талию, и посадил на одного из них. Она вскрикнула, когда перекидывала ногу через седло. Потом посмотрела на него сверху, прерывисто вздохнула.

– Он знал, кто я такая и что я служу Фолько. Поэтому то, что я произнесла твое имя, не имеет значения. Никогда не считай меня недостаточно осмотрительной или неосторожной.

Одна из Риполи, она всегда ею останется. Высокомерная и властная с самого рождения, как бы ни пыталась убежать от этого.

Коппо что-то буркнул, кивнул. Вопросы и ответы будут позже.

Они тронулись в путь. Леон показывал дорогу, Коппо держался рядом с Адрией, Джан ехал последним, молчаливый и надежный. Сперва направились на север, потом по тропе вдоль реки на запад, в холодную осеннюю ночь. По левую руку тянулись виноградники, а сзади, над морем, поднималась голубая луна.

* * *

Елена проживет долгую жизнь и, умирая, будет считать, что благословлена богом, хотя ее не минуют потери и горе, но у кого в жизни их нет? Ей суждено закончить свою жизнь вдали от этих мест, на другом берегу моря, в опасной близости к востоку.

Она повстречает мужественного, сильного мужчину и женщину, возможно, еще более храбрую, более безрассудную, чем та, которая лежала в ее комнате для пациентов этой ночью, выздоравливая после ранения, – хотя и она обладала, по мнению Елены, огромной внутренней силой.

Она полюбит мужчину-гиганта, который станет отцом ее ребенка, но она так и не скажет ему об этом, и они никогда не будут жить вместе. Ей и в голову не придет рассказать ему о ребенке или о своей любви, поскольку это могло бы стать для него бременем, а она не хотела быть в долгу ни перед кем, не желала обременять ни одного мужчину – или женщину – на свете. Да и он был не из тех, кого можно привязать к себе.

И все же, когда он будет умирать, Елена окажется рядом с ним, хотя ни он, ни она не ожидали, что он умрет старым, в постели. Она будет плакать по нему всю ночь. Никогда она не жила без страсти и тоски, просто не желала принадлежать никому, кроме своего искусства и призвания. Она хотела, чтобы дочь уехала, построила собственную жизнь, но этого не произошло. Характер у всех разный, и есть вещи похуже, чем умная дочь, которая осталась жить с тобой и освоила, насколько позволяли способности, мастерство, которым ты сумела с ней поделиться. Да и для дочери такая жизнь далеко не худшая. Несмотря на все это, в течение долгой череды дней своей жизни Елена никогда не забывала ту осеннюю ночь в окрестностях Милазии.

Она началась с Карлитто, потом, когда спустилась ночь, у калитки залаляли собаки. Елена всегда присматривала за своими больными ночью и в предзакатные часы, когда душам так легко ускользнуть. Она была вместе с женщиной в комнате для больных, снова меняла повязку на ране при свете нескольких ламп и очага. Ей необходим был свет для того, чем она занималась.

Рана все еще кровоточила. Это из-за поездки верхом, сказала она девушке. Та назвала свое имя, когда ее об этом спросили, но Елена была уверена, что оно не настоящее. То же самое с тремя мужчинами – она пришла к выводу, что они скрывают свои имена, желая защитить кого-то другого. Целительнице не сообщили о происхождении раны, не объяснили, как случилось, что молодую женщину пырнули кинжалом в ногу, а потом ей пришлось искать помощи вдалеке от тех мест, где о ней могли сообщить. И ни к чему было это знать. Ее задача – лечить, и ей заплатили серебром.

Предыдущую ночь мужчины провели в другом месте и не приходили в дневное время. Жители селения хорошо относились к Елене, потому что она была им полезна, но не следовало вызывать толки: если бы вдруг прискакал человек в мундире или ливрее и с деньгами и спросил, не проезжали ли мимо всадники, не останавливались ли у них...

Один из трех мужчин, предводитель, пробрался тайком только что, чтобы узнать о состоянии женщины, и, обнаружив ее бодрствующей, с разрешения Елены шепотом переговорил с ней.

Мужчина рвался ехать дальше. Елена ясно дала понять, что она ничего не может запретить и даже не станет пытаться, но, если он хочет, чтобы его спутница сохранила ногу и осталась жива, пусть едут без нее, раз уж им так необходимо; она же должна остаться для лечения.

– Он приедет сюда? – спросила женщина.

Мужчина нервно покосился на Елену.

– Я отправил... гм, Марко вчера ночью, чтобы сообщить, где мы находимся, но сомневаюсь. Мы слишком близко от... города.

Он плохо умел врать. Марко – еще одно придуманное имя. Сплошные тайны, а Елена была довольно любопытна. Но как заставить человека доверять тебе, и, кроме того, иногда действительно лучше ничего не знать.

Карлито снаружи свистнул, как она его учила, собаки его узнали и не залаяли. Крупный мужчина, повинувшись ее кивку, спрятался за дверью, ведущей в комнату больных. Карлито прошел по дорожке и ступил в дом, держа в руках каменный кувшин с медом.

– Я подумал, что вам понадобится больше меда, – сказал он с важным видом.

Умный, сообразительный паренек. Вероятно, ему от этого будет мало толку в той жизни, на которую он обречен. Елена уже задумывалась о подобных вещах: насколько важно иметь возможность делать то, что тебе хорошо удастся. Скорее всего, мальчик проживет здесь всю жизнь, а если и уедет, став солдатом, велика вероятность того, что погибнет, так и не найдя лучшей, более свободной жизни.

– Спасибо, – сказала Елена. – Мне действительно нужно больше.

Это была неправда, но зачем говорить ему об этом?

– По дороге я кое-что видел, – сообщил Карлито. – Человека на коне.

В этот момент залаяли собаки.

Елена посмотрела на мальчика.

– Только одного, ты уверен?

– Конечно, уверен, – ответил он.

– Хорошо. Спасибо. Теперь беги домой, да побыстрее, через задний двор. Не медли, Карлито, я говорю совершенно серьезно.

Он взглянул на нее, понял, что она не шутит, и кивнул. Может быть, он ее не послушается, но вряд ли. Ему нравилось, что Елена разрешает ему помогать и называет своим другом, он не хотел бы потерять ее доверие. Мальчик снова вышел, направился налево через двор к дыре в заборе. Она, последовав за ним до входной двери, отозвала собак. Один человек – ничего страшного.

Он и правда был один. Елена увидела, как он спешил к калитке.

– Отведите коня под деревья, – негромко окликнула она.

– Конечно, – отозвался мужчина, кем бы он ни был.

Она проследила взглядом, как он повел своего коня к роще на запад от ее двора. Стояла в дверях, ждала. Он вернулся пешком. Собак она держала рядом с собой. На улице было холодно. Елена почувствовала, что большой мужчина встал в дверях у нее за спиной. Как тихо он подошел!

– Я не думал, что вы приедете, – сказал он мужчине у калитки. – Мы только что об этом говорили.

– С ней все в порядке? – спросил приехавший. Он был только голосом в ночи, свет до него не доходил.

– Кажется, да, – ответил большой мужчина.

Тот, что снаружи, вежливо обратился к Елене:

– Могу я пройти через вашу калитку?

Она не ожидала такой учтивости.

– Да.

Он вошел во двор, по дорожке, поздоровался с ней и назвал свое имя. Свое настоящее имя. Он был не из тех, кто скрывает свою подлинную личность. Вот так Елена впервые встретилась с Фолько Чино д'Акорси. Он, известный всей Батиаре, сейчас, в ночи, стоял на дорожке у ее двери.

Она поклонилась. Ее сердце стремительно забилося.

– Это большая честь для меня, – сказала она. – Теперь меня убьют?

– Только не я, – ответил Фолько.

Он махнул рукой, и женщина посторонилась, пропуская его в дом, но он остался стоять перед ней. Не такой высокий, как ей представлялось, крепкого телосложения, поразительно уродливый, по правде говоря, – с этим глазом, шрамом, сломанным носом. Он не носил на глазу повязку. Более крупный и молодой мужчина вышел, кивнул ему, и, повинувшись движению головы Фолько, встал у калитки. Он будет на страже, поняла Елена. После появления Фолько ночь стала другой.

– Девушка в комнате для больных, слева от вас, – сказала она. – Она у вас на службе?

– Это Адрия Риполи, младшая дочь герцога Мачеры, – ответил Фолько. Елена внезапно почувствовала, что ей необходимо сесть. Он смотрел на нее. – Поэтому вы, наверное, понимаете, как важно, чтобы ее вылечили.

Фолько прошел в комнату для больных раньше, чем она успела ответить.

– Во имя святого Джада, Адрия, что ты с собой сделала? – раздался его голос сквозь дверь.

Ответ Елена не услышала. Она подошла к очагу, чтобы вскипятить воду для следующей порции настоя для раненой. Привычная работа помогала успокоиться, но Елена продолжала усиленно размышлять. Что делает здесь эта молодая женщина? Из семейства *Риполи*? В этом доме?

Впрочем, ничье высокое происхождение – ни девушки, ни ее посетителей – не помешает ей вскоре попросить этого мужчину уйти: процесс лечения прерывать нельзя. Они тихо разговаривали в соседней комнате. Лишь бы только Карлито отправился напрямик домой. Происходило нечто необычное, и люди были слишком значительные, и опасность еще более возросла.

Привычные движения рук, привычная работа заставили сердце биться медленнее. Дело лучше спорится, когда ты спокойна.

Но тут же спокойствие, которого она с таким трудом добилась, разлетелось вдребезги, подобно брошенному о стену бокалу вина, потому что собаки снова залаяли – на этот раз яростно.

Елена быстро подошла к двери и распахнула ее. Она услышала, как большой мужчина, стоящий на страже, бросил вызов кому-то, подошедшему к калитке снаружи. Фолько д'Акорси, поспешно покинув комнату больной, очутился рядом с целительницей.

– *Коппо! Не надо с ним драться!* – крикнул он в темноту.

Слишком поздно: прозвучали резкие, быстрые слова, раздался звон скрестившихся мечей, а затем – почти сразу же, как показалось Елене, – звук падения тела и вскрик.

Собаки продолжали бешено лаять.

– Да сгноит Джад его душу во тьме! – рявкнул стоящий рядом с ней человек. – На этот раз я его убью. Убью.

Елена увидела у своей калитки темный силуэт еще одного большого мужчины и услышала низкий голос – он не принадлежал тому, кого звали Коппо. Собаки успокоились и замолчали.

Такого с ними никогда не случалось, если рядом были незнакомые люди.

Калитка открылась. Незнакомец помедлил, здороваясь с ее двумя псами, а потом широкими шагами направился к дому. Она увидела, как он спрятал меч в ножны.

Человек остановился на дорожке в нескольких шагах от входа в дом и от полосы света.

– Он бросил мне вызов, д’Акорси. Возможно, я его убил. Почему ты послал его одного?

Стоявший рядом с Еленой Фолько тяжело дышал.

– Ошибка. Я не ждал тебя так рано.

– Рано? Ты знал, что я приеду?

– Конечно. Ты до ужаса предсказуем.

Презрение, ярость, еще что-то. Елена сжала руки, пытаясь унять дрожь.

Фолько повернулся к ней:

– Беспокойная для вас выдалась ночь. Я прошу прощения за это. Теперь вот явился Теобальдо Монтикола, которого некоторые называют Волком Ремиджио. Думаю, ему нравится это прозвище. Он собирался устроить мне ловушку. Если он убил человека, которого я высоко ценю, это мне крайне не понравится.

– Он бросил мне вызов, – мягко повторил вновь прибывший, подходя ближе. – Глупо, если он знал, кто я такой. Мне пришлось рискнуть вызвать твое неудовольствие.

Теперь, когда на него падал свет, Елена увидела, что Монтикола замечательно красив. Он был так же широко известен, как и стоящий рядом с ней человек, и, возможно, еще более опасен. Она его видела однажды в Ремиджио. Такого человека нельзя было забыть.

Невозможно, подумала Елена, чтобы эти двое находились здесь. На свете такого просто не бывает.

– Я вскипичу еще воды, – сказала она.

Оба гостя одновременно рассмеялись, однако в их смехе не было веселья. Воздух казался таким твердым, словно вот-вот даст трещину. Елена не видела призраков, но физически ощущала распространяющийся вокруг страх.

– Я прикажу внести твоего человека в дом, – предложил красивый мужчина. Он сделал несколько шагов к калитке, прокричал приказание людям, которых Елена не видела, и вернулся обратно. – Твои шесть человек будут обезоружены, д’Акорси. Я велел их не трогать – пока. Конечно, обещать, что с ними все будет в порядке, я не могу.

– Откуда ты узнал, что их именно шестеро? – Голос Фолько звучал мягко.

Монтикола посмотрел на него.

– Мы следили за тем, как вы приехали.

– Нет, не следили, – возразил Фолько д’Акорси, на этот раз так тихо, что его едва было слышно. – Глупая ложь.

Начиная с этой секунды Елена была уверена, что умрет до наступления утра.

Глава 3

Считалось, что молитва в святилище имеет больший вес, но священнослужители учили, что можно обращаться с просьбами к Джаду где угодно и в любое время, что бог всегда с тобой, даже ночью, когда правит солнечной колесницей под миром и сражается с демонами во мраке, защищая человечество.

Однажды Коппо сказали, что на Востоке Джада изображают не светловолосым красавцем, окруженным сияющим ореолом, а темным, бородатым, печальным: страдающим за своих детей и несущим бремя необходимости защищать их. Это была ересь, но иногда Коппо думал, что изображать бога именно так вполне разумно. Обязанность заботиться, ответственность за других давит на тебя тяжелым грузом. А в том мире, который Джад сотворил для своих детей, страданий было больше чем достаточно.

Коппо говорил себе, что его собственные горести – мелочи в общем порядке вещей, но ему все равно постоянно, каждый день недоставало отца. Несчастный случай в каменоломне слишком рано унес жизнь честного человека, взвалив на его единственного десятилетнего сына груз слишком большой ответственности. *Ответственность* – именно ее огромное бремя несет Джад, не так ли? Так почему же смертные должны ее избежать?

Коппо стоял один в ночной темноте – ни одна из лун еще не вошла – возле хижины целительницы, которую Леоне нашел для них – для Адрии. И Фолько тоже был здесь, приехав быстрее, чем он ожидал. Но Коппо не мог не отправить Джана с сообщением о том, что Адрия была ранена во время выполнения задания, ради которого приехала. И все равно выполнила его. За нее волновались все, особенно Фолько, учитывая то, кто она такая и как недовольна госпожа Катерина ее ролью в их делах.

«Если моя племянница не вернется, я устрою так, чтобы наш новый человек из Эспераньи тебя отравил», – вот что сказала госпожа д'Акорси ему, Коппо Перальте, который мечтал о ней. Сказала не всерьез, он был уверен, но все же...

А теперь ему приходится беспокоиться о Фолько в этом уединенном домике слишком близко от Милазии, где наверняка уже начались беспорядки и насилие. Но, по крайней мере, раз Фолько здесь, ему, Коппо, уже не нужно принимать *решения*.

Слева раздался какой-то шум. Конь. Всадник, не таясь, прыгнул на землю. Коппо выхватил меч.

– Назови себя! – крикнул он в темноту.

– С удовольствием это сделаю, – раздался ответ. – Я – Теобальдо Монтикола ди Ремиджио. Ты должен знать обо мне. Мне убить тебя или отойдешь в сторону?

Коппо никогда не был трусом, а сейчас перед ним стоял самый заклятый враг его господина, притом что у Фолько на этом свете имелось множество врагов. Одной из причин их приезда сюда, приезда Адрии в Милазию, было стремление подобраться поближе к Ремиджио, где правил этот человек.

– Я не могу отойти в сторону, – проговорил Коппо. – А вы не можете войти в этот дом, мой господин, пока вас не пригласят.

– В сущности, и то и другое неверно, – произнес голос, и Коппо увидел, как из темноты выросла фигура человека, такого же крупного, как он сам. – Спасай свою жизнь и отойди от калитки. Я один, если это имеет какое-то значение.

– Вы подождете здесь, а я вернусь в дом и доложу.

– Нет, – возразил его собеседник. – Этого не будет, солдат. Мне нравится заставлять людей врасплох, и я слишком давно не заставлял врасплох Фолько. – Коппо услышал знакомый звук – звук меча, вынутого из ножен. – Не думаю, что позволю часовому лишить меня этого удовольствия. Не люблю, когда меня чего-то лишают. Но мне совсем не хочется с тобой драться.

– Я сказал, стой! – произнес Коппо и выставил перед собой меч.

– О господи, да ты мне угрожаешь, – сказал Теобальдо Монтикола. – Зачем разумному человеку это делать?

Коппо хорошо владел мечом, и поэтому его ужаснуло, еще до того, как он ощутил сильную боль в левом плече, а потом в том же боку, как легко противник одолел его. Все случилось мгновенно, это даже боем нельзя было назвать, и, падая на твердую землю, он услышал свой крик.

Он мог бы сказать, что криком хотел предостеречь Фолько и остальных, но, по правде говоря, это был крик боли и страха, что он сейчас умрет здесь, в ночи.

Его противник, правитель Ремиджио, даже не удостоил его взглядом. Коппо слышал, как тот прошел мимо и открыл калитку, которую он охранял. Затем он подумал о матери, которая жила в монастыре, стирая белье для Дочерей Джада. Коппо был ее единственной отрадой. Ну, не совсем так, еще у нее был бог.

После этой ночи у матери останется только Джад. Коппо приложил ладонь к боку и почувствовал, что она мокра от крови. Кажется, он лежал на спине и смотрел в небо. Звезды, так много звезд, а потом – медленно нарастающая темнота. Он чувствовал сожаление, и боль, и удивительную печаль. Интересно, подумал он, неужели бог все время несет в себе столько печали? Коппо надеялся, что это не так.

* * *

Два человека в костюмах для верховой езды – не в ливреях, по которым их можно было бы опознать – внесли раненого в комнату для больных. Там, где они прошли, осталась дорожка из капель крови.

Они несли его бережно. У Елены возникло ощущение, что им уже приходилось делать подобное раньше. Конечно, приходилось, если они – солдаты правителя Ремиджио. Его отец завоевал этот город. Собственно говоря, сами жители предложили ему стать правителем, который будет их защищать. Дед Фолько сделал то же самое в Акорси. Сильные люди, стоящие во главе войска? Пусть лучше они защищают вас, чем наоборот.

Их бережность уже не имела значения, поняла Елена, когда они опустили раненого на лежанку, на которой она обычно спала, желая быть рядом с больным. Ее сердце упало, когда она посмотрела на раненого. Почти мальчик. Однако мальчики погибают в войнах. И женщины, и девочки, и всегда бедняки.

Солдаты вышли, топчя сапогами кровавый след. Елена опустилась на колени возле лежанки и осмотрела раны.

– Всеблагой Джад. Вы можете его спасти?

Это произнесла женщина на кровати, ее пациентка. Она сидела, прижав ладонь ко рту.

Елена встала. Когда она только начала заниматься лечением, то приняла решение всегда говорить правду о том, что она может сделать, а чего не может.

– Нет, – ответила она. – Боюсь, этот человек нас покинет.

Много лет спустя Елена научится поступать иначе, будет искусно притворяться, давая людям время, чтобы они осознали приближение смерти, потому что если ты пришла в этот мир, чтобы исцелять, о тех, кто окружает умирающего, иногда любящих его людей, тоже надо позаботиться. Но некоторые истины познаются с возрастом, а Елена в ту ночь была еще молода.

Она услышала за спиной шум и оглянулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как Фолько д'Акорси возник в дверном проеме и тут же вернулся в жилую комнату. Немного поколебавшись, она последовала за ним. Женщина подумала, что у нее есть шанс, хоть и очень небольшой, предотвратить насилие в собственном доме. Хотя более вероятно, что она тоже умрет еще до того, как взойдут тонкие серпы лун.

Люди Монтиколы вышли из дома, и Елена осталась наедине с правителями Акорси и Ремиджио, сила ненависти которых друг к другу была хорошо известна всей Батиаре.

Она молча прошла к очагу. Вода в чайнике кипела. Елена занялась отваром для молодой женщины в соседней комнате.

– Он умрет? – спросил Теобальдо Монтикола. Фолько, очевидно, уже что-то сказал ему. – Мне очень жаль. В этом не было необходимости, но ему не следовало обнажать меч.

– Ты мог бы его обезоружить, – произнес Фолько.

Елена стояла спиной к ним двоим, но она содрогнулась от тона, которым это было сказано.

– Возможно, – ответил высокий мужчина. – Но там темно, а я не был уверен, что он один. Показалось безрассудным слишком полагаться на это после того, как он сделал выпад мечом. По крайней мере, я велел принести его сюда, д'Акорси. Воздай мне должное.

– «Воздай должное», – передразнил второй.

– Да, я так думаю, – мягко произнес Монтикола. – Итак, вот мы и встретились. Прошло много времени. Ты постарел, стал еще уродливее. Где остатки твоих волос?

Елена обернулась. Монтикола уселся на сундук у одной из стен, вытянув ноги и скрестив их в лодыжках. Фолько д'Акорси стоял на середине комнаты.

– Часть из них я где-то потерял. – Фолько не улыбался.

– В последний раз мы встречались на свадьбе у Сарди? Старшего сына Пьеро, в Фиренте?

– Ты там присутствовал? Я стал забывчив.

Его собеседник улыбнулся:

– Нет, не стал.

Елена прошла мимо них с высоко поднятой головой, держа в руках отвар из трав, и последовала в комнату к молодой женщине, лежащей на кровати.

– Выпейте это, – сказала она, подавая чашку, затем приблизилась к мужчине на лежанке. – Он без сознания и не чувствует боли.

– Вы это знаете?

– Да.

– Ему нужны молитвы, – сказала девушка, – и священник. Это для него важно.

– Поблизости нет священника. А молитвы прочтите сами.

– Вы обратились не к тому человеку.

– Вы так думаете? Если у него есть семья, вы сможете им сообщить, что необходимые слова были произнесены.

Девушка посмотрела на нее пристально, но через несколько мгновений все же начала произносить знакомые фразы молитвы над умирающим. Елена в них не верила, но слышала множество раз в течение жизни.

Целительница снова опустилась на колени возле лежанки и осмотрела обе раны. С плечом она бы сумела справиться, но рана в боку была смертельной. Мужчина еще дышал, но с его лица уже исчезли краски, и кровь просочилась сквозь тонкий матрас, капая на пол под лежанкой.

– Я постараюсь облегчить его боль, но и правда уверена, что он ее не чувствует, – сказала Елена.

Она говорила не столько с другой женщиной, сколько с собой, и сама понимала, что твердит одно и то же. Она была потрясена и напугана. Люди и прежде умирали в этой комнате, но не насильственной смертью. Поединок, война, убийственная ненависть до сих пор не входили к ней во двор – только жертвы родов, крестьянского труда, болезней. Ее удивляло, что она почти не чувствовала гнева, но, может быть, он придет позже?

Стоя на коленях перед лежанкой, словно молясь (но она не молилась), и глядя на мужчину, она уловила тот момент, когда он умер. Когда для него все закончилось, началось, изменилось.

В тебе может быть жизнь, ее дар, ее тяжесть, ее возможности, а потом... ее уже нет. Сердце бьется, потом перестает биться. Ты становишься просто телом на лежанке – исчезаешь и не можешь ничего рассказать о том, что там дальше.

Елена сложила ему руки на груди, оглянулась на девушку на кровати.

– Мне очень жаль, – сказала она. Снова поднялась на ноги. – Вы знаете его семью?

– Только мать, она в монастыре возле Акорси.

– Одна из Дочерей Джада?

– Она у них работает.

– Тогда за него помолятся.

– Вам не все равно? Вы во все это верите?

Но Елена не была готова делиться своими мыслями о столь важных вещах с незнакомым человеком. Она лечила их или пыталась лечить, но ее верования были ее личным делом. Елену поразило то, что эта молодая женщина так хорошо ее поняла и что у нее хватило смелости задать такой вопрос.

– Я верю в то, что приносит утешение живым людям. И мне жаль вас, ведь, по-видимому, вы хорошо знали друг друга.

– По-видимому, – с горечью повторила девушка.

Елена вышла в соседнюю комнату. Двое мужчин по-прежнему были там, один стоял, другой сидел – внешне совершенно спокойно. Ей показалось, что оба молчали все время, пока ее не было в комнате, и это было необычно. Едва Елена вошла, Фолько спросил, будто они ждали ее, чтобы продолжить представление:

– Он умер?

– Мне очень жаль, но да. – Она повернулась ко второму мужчине, сидящему на ее сундуке с постельным бельем. – Вы можете приказать своим людям вынести его на лежанке из комнаты для больных? Справа от входа, во дворе, есть сарай. Он не заперт, его можно пока положить там на ящики.

– Какое это имеет значение? – возразил высокий мужчина. – Он мертв.

Елена смерила его взглядом.

– Там женщина, которую я лечу. Не хочу, чтобы рядом с ней лежало мертвое тело. Вы будете так добры, что поможете, или мне послать за людьми в деревню?

– Это плохая мысль, – ответил он.

– Тогда позовите своих людей.

Оба мужчины носили мечи, у обоих на поясе висели кинжалы. В комнате физически ощущалось присутствие ненависти, словно некой потусторонней силы. От этого кружилась голова, Елене казалось, что она вот-вот лишится чувств.

Внезапно она подумала о том, знает ли Монтикола, кто та женщина в соседней комнате? Возможно, нет. Он ее не видел.

Снаружи донесся приглушенный крик, потом второй, что-то треснуло – ветка под ногой или что-либо еще.

Мужчины смотрели на дверь, закрытую для защиты от ночного холода. Они прислушивались. Никто не двигался.

– Твои шесть человек, – произнес Монтикола. – Как я уже говорил, если они не наделают глупостей, их только разоружат и никто серьезно не пострадает. Они умны?

Мы за вами следили, сказал он раньше. А второй назвал это ложью.

Фолько не ответил. Вместо этого он подошел к двери, открыл ее.

– Кузен? – позвал он.

– Готово, – услышали они.

– Сколько? – спросил Фолько негромко.

– Двенадцать, как ты сказал.

Елена невольно взглянула на Теобальдо Монтиколу. Лицо его оставалось бесстрастным, но поза изменилась.

– Спасибо, кузен, – спокойно произнес Фолько. – Пожалуйста, выбери из них троих, Альдо, неженатых и бездетных, если удастся, и убей их. Должен с сожалением сказать, что Коппо Перальта только что умер.

Кто-то – кузен – яростно выругался в темноте.

– Только троих, мой господин?

– Троих. Но проследи за этим.

– Да, мой господин.

Монтикола встал. Казалось, он заполнил собой все маленькое помещение.

– Акорси, если они это сделают, я убью тебя прямо здесь, а потом целительницу, а потом девицу Риполи, которая прикончила для тебя Уберто. Выбирай быстро.

Он все-таки знает, кто эта женщина, подумала Елена.

Стоящий в дверях Фолько обернулся, и она увидела на его лице улыбку.

– Нет, не убьешь. Этот дом окружили двадцать моих людей, а не шесть, а ты слишком ценишь свою жизнь, чтобы погибнуть, пытаюсь убить меня и двух женщин, одна из которых – дочь герцога Мачеры. Не надо пустых угроз. Тебе это не к лицу.

Он закрыл дверь и повернулся к своему противнику.

Елена отошла к очагу. Ей было очень страшно. Она не видела никаких духов, парящих около кого-либо из этих мужчин, но действительно ощущала смерть, присутствующую в комнате или приближающуюся к ней.

– Может быть, ты все равно прикажешь меня убить, если у тебя двадцать человек.

– Их двадцать. Может, и прикажу.

– Станет известно, кто меня убил. Ты не сможешь проделать такое тайно.

– Согласен, – ответил Фолько.

– Я сказал своим людям, куда поехал.

– Не сомневаюсь. Обычная предусмотрительность.

– Ты умрешь первым, и обе женщины.

– Я мог бы выбежать из дома.

Монтикола громко рассмеялся:

– Да ты скорее убьешь себя сам.

Фолько слегка улыбнулся:

– Ты так хорошо меня знаешь.

– Достаточно хорошо. Но... видимо, я не смогу убить тебя здесь, поскольку ты солгал насчет количества людей, которых собирался взять с собой.

– Тогда мне повезло, что я это сделал.

– Но и ты не можешь убить меня.

– Я все еще это обдумываю.

– Нет, ничего подобного. Тебе этого хочется, но ты не думаешь об этом. «Хотеть» – совсем не то же самое, что «мочь».

Фолько поднял обе руки, изображая насмешливое удивление:

– Какой проницательный ум!

– А ведь я даже не учился у Гуарино, не изучал речи Древних и новые придворные танцы.

– Это тебя до сих пор задевает?

Монтикола покачал головой:

– Меньше, чем тебе кажется. Меньше, чем ты всегда думал. Наверное, меня научили бы там петь и трахать девчонок, но, видишь ли, я и так никогда не испытывал недостатка в девочках и могу в любой момент пригласить музыкантов к своему двору. – Пришла его очередь

улыбнуться. – А Меркати приехал ко мне, чтобы расписать потолок столовой и нарисовать мой портрет, раньше, чем он приехал к тебе.

Эти слова, к удивлению Елены, оказались подобны выпадку меча, попавшего в цель.

– Но потом я его переманил, – ответил Фолько.

– Это правда! Столько денег потратил. А в этом году проиграл и уступил его Родиасу и жирному Верховному патриарху Сарди. Говорят, твой портрет так и остался незаконченным!

– А! Ты теперь следишь за перемещениями художников?

– Конечно. Я веду строительство в Ремиджио. И в твоём дворце у меня есть люди – не только одна служанка.

– Если это правда, то глупо сообщать мне об этом.

– Возможно. Может, я и лгу, как обычно лжешь ты, как раньше лгал твой отец. Но ты все равно не можешь убить меня здесь, как и я – тебя, поскольку ты прав, о ученик Гуарино: я не хочу умереть сегодня ночью в хижине целительницы-язычницы.

Елена хотела подать голос, потом решила, что это плохая идея.

Наверное, она все же сделала какое-то произвольное движение, потому что оба мужчины повернулись к ней.

– У вас, случайно, не найдется вина? – спросил Монтикола. – Мы долго добивались до этой хижины.

Это была не хижина, а дом. Тем не менее Елена молча кивнула. Она не доверяла своему голосу.

Елена знала, кто та девушка, знала ее происхождение и почему она очутилась в этом уголке Батиары. Одна из Риполи? Убить Уберто Милазийского? Эта ночь начинала казаться невероятной.

Она повернулась к столу у очага, налила в две чашки из фляги молодого вина – подарок, присланный сегодня с виноградника. Ее руки почти не дрожали. Она была рассержена, поэтому оставила вино на столе, а не поднесла его мужчинам, как полагалось хозяйке дома.

Они не гости, напомнила она себе.

Обернувшись, Елена увидела, как Теобальдо Монтикола снова улыбнулся ее поступку, и собственный жест сразу показался ей мелочным. Этот мужчина сознает, как он красив, подумала она. Его волосы, длинные сзади, были коротко подстрижены спереди и открывали высокий лоб над прямым носом, который обычно называют родианским, как у тех статуй, которые остались после Древних. Его темные глаза сверкали. Он ее пугал, Елена была готова признаться в этом себе. У нее возникало чувство, что его нынешняя учтивость, самообладание – лишь нечто поверхностное, то, что легко может исчезнуть. Когда он подошел, чтобы взять чашку, она отодвинулась в сторону. Монтикола взял и вторую тоже и подал ее д'Акорси.

– Это ты ловко придумал, насчет шести человек, – сказал он. – Умная ловушка.

Фолько кивнул:

– В последние полгода были два-три случая, которые заставили меня задуматься. Кто она?

– Моя шпионка? Незначительная персона. Она мертва?

– Умрет, когда моя госпожа узнает о ней. После допроса, который проведут в присутствии священнослужителей, чтобы они его записали.

– Допрос. Сомневаюсь, что к ней будут добры. Риполи не любят, когда их обманывают, правда?

– Никто из нас этого не любит. Даже члены семьи Монтикола. И даже твой отец был недоволен твоей матерью.

Высокий мужчина застыл. Эту историю Елена знала. Все знали. Дядя Монтиколы и его мать: они были убиты, когда их застали вместе.

Еще один звук в ночи. Крик. Но крик не животного.

– Трое, – произнес Фолько д'Акорси, теперь его голос звучал жестко. – За того, кто был мне дорог.

– А, – сказал его собеседник. – Он был тебе дорог? Это совсем другое дело!

– Я могу убить шестерых, – сказал Фолько.

Он говорил серьезно, Елена видела. Этот человек, подумала она, тоже внушает ужас. Своим уродством, своей физической силой, своей холодной волей и умом. Трудно было бы выбрать, кто из этих двоих служит добру, а кто – нет.

Каждый из них служит лишь самому себе, подумала Елена.

– Ты не убьешь шестерых, – сказал Монтикола. – Это идет вразрез со всем, чему тебя учили. Что, если об этом услышит Гуарино?

Фолько д'Акорси отпил из чашки, не торопясь с ответом. Елена вдруг поняла, что ждет его ответа, затаив дыхание.

Наконец он произнес:

– Хорошо. Вот в каком мы положении, и вот что я предлагаю. Мы оба уедем отсюда сегодня ночью. Я прикажу своим людям отпустить твоих.

– Очень мило с твоей стороны. Но сначала выслушай меня, и – ах, да – Зверь в Милазии мертв?

Миг на раздумья.

– Ты бы все равно узнал к утру, поэтому... да, он мертв.

– Как печально. Набожный человек, любимец Бога. Его будут оплакивать многие. И кто знает, что теперь там может произойти?

– Действительно, кто? Только Джад.

– А! Ну, что касается этого, Джад также знает вот что: Фолько, ты не продвинешься в Милазию, шаг не сделаешь в этом направлении – в моем направлении. Если отправишь на юг хотя бы десяток людей, я узнаю об этом и расскажу всем, что именно Адрия Риполи убила Уберто по твоему приказу.

– И тебе поверят? Хоть на миг?

– Думаю, да, если я представлю Верховному патриарху и Священному Императору джадитов свидетельство того, как он умер, опишу девушку и расскажу, какое она имеет отношение к тебе и к твоей госпоже супруге. А также сообщу о том, что некий выходец из Эспераньи, имеющий определенную репутацию, поступил к тебе на службу.

– А, этот. Твоя шпионка и о нем рассказала?

Фолько старался выглядеть невозмутимым, но Елена видела, что сказанное стало для него неожиданностью, и неожиданностью неприятной.

– Я терпеть не могу яда, знаешь ли, – сказал Монтикола.

– Ты и сам его использовал прежде.

– Использовал. И все равно терпеть не могу. И скажу, что никогда не послал бы девушку – эту девушку – на такое опасное дело. Разве она столь мало значит для тебя? Разве она – всего лишь охотничий сокол и не более?

– Она моя племянница. Она...

– Твоя жена хоть знает, зачем ты ее сюда отправил?

Воцарилось молчание. Монтикола рассмеялся.

– Фолько, тебе нравится считать, что ты добродетелен, а я – нет. Это ложь. Такая же, как количество твоих людей сегодня ночью.

– Не такая же, нет.

– Да, именно такая! Ты лжешь миру – и себе. Ты уже давно так поступаешь, и мы знаем самую большую ложь. Твою и твоего отца...

– Не говори о...

– Я буду говорить обо всем, о чем захочу, д'Акорси. По крайней мере, я честно говорю о том, что буду делать и чего не буду. Возвращайся домой и хорошенько подумай об этом. Посоветуйся с философом. Или... – Монтикола снова улыбнулся, показав хорошие зубы. – Или мы могли бы зажечь факелы и сразаться на этом дворе, пока один из нас не умрет. А наши люди были бы свидетелями. Никто из власть имущих не смог бы возразить против этого. Подозреваю, что им это даже понравилось бы.

– Правда? Какая глупость!

Монтикола опять улыбнулся:

– Какой страх. Я могу победить тебя на поле боя. Я могу победить тебя в схватке. У меня два глаза и город на побережье для морской торговли, и у меня не болит тело, когда я слишком долго скачу верхом. Неудивительно, что ты меня ненавидишь, д'Акорси.

Теперь пришла очередь второго мужчины улыбнуться.

– У меня столько причин презирать тебя и твою семью. Начать с твоей убитой тетки? Потом твоя собственная, бедная, мертвая, неудобная жена? Семейство Монтикола, сладкое, как летнее вино.

Высокий мужчина осторожно поставил свою чашку, так же осторожно вытянул ноги. Он был бледен.

– Я бы не стал этого делать, – сказал он. – Правда, не стал бы, д'Акорси. Тебе нужно вести себя осторожнее. Я могу предложить план действий человеку, о котором все говорят, что он умен, или же могу убить этого человека сегодня ночью. Может быть, я ошибаюсь насчет его ума? Докажи мне. От тебя зависит жизнь двух женщин.

– Двух? Зачем тебе убивать целительницу?

– А разве мне нужна причина? – спросил Теобальдо Монтикола, глядя на Елену.

– Большинству мужчин нужна, – сказала она достаточно твердо.

– Да, но если верить этому человеку, то я убиваю ради развлечения. Хорошо, вот причина: потому что вы лечите женщину, которую д'Акорси использовал, чтобы угрожать мне.

– И вы думаете, что я *знала* об этом?

– А вы думаете, мне не все равно, о чем вы там знали?

Тишина в комнате и снаружи, в ночи.

– Что же ты предлагаешь? – в конце концов спросил Фолько. – Я слушаю.

Елена осознала, что снова затаила дыхание.

– Мы оба уедем. У меня нет причин никому докладывать, как умер Уберто, если ты меня не вынудишь. Его смерть мне не повредит, если ты не двинешься на юг, и я, конечно, не хочу стать врагом семейства Риполи в Мачере. Ты хитро выбрал жену, отдаю тебе должное.

– Продолжай, – произнес Фолько д'Акорси.

– Ты вынудишь меня действовать, если сделаешь хоть малейший шаг в сторону Милазии.

– А если не сделаю, ты согласен тоже этого не делать?

– Мне нет необходимости соглашаться. Ты никак не можешь меня заставить.

– Могу. Риполи, ты о них уже забыл? О моей хитрой женитьбе. Такие могущественные, такие богатые. Уже герцоги! А ты шпионил за членом их семьи в моем дворце. За дорогой сестрой герцога! Ты внедрил убийцу в ее покои.

– Она не была убийцей.

– Эту историю можно рассказать иначе, правитель Ремиджио. Она, несомненно, признается в этом на допросе, что будет записано священнослужителями. Ты же знаешь, как ведутся допросы. У тебя слишком мало сил, чтобы противостоять Риполи, не говоря уже о новом патриархе Сарди, который может решить, что приобретение Ремиджио повысит статус его *собственной* семьи.

– А! Семейство Сарди. Опять Фирента. Банкиры.

– Очень, очень состоятельные банкиры. И теперь Верховный патриарх – член их семьи.

– Пьеро купил эту должность.

– Конечно, купил! Но она принадлежит им, не так ли? Нам обоим следует быть осторожными. Мы не так сильны, как они, или семейство Риполи, или Сересса. Мы – солдаты, владеющие маленькими городами, которые пытаются выживать среди них. Конечно, – Фолько опять тонко улыбнулся, – если ты предпочтешь забыть об осторожности и будешь уничтожен, я не стану чересчур убиваться.

Через несколько мгновений высокий мужчина улыбнулся в ответ, снова взял чашку с вином и, выпив ее до дна, повернулся к Елене.

– Осеннее вино нынешнего года? Из этих мест? Мне нравится. Прикажу, чтобы прислали немного. – Он даже поклонился ей, очень грациозно. – Благодарю, целительница. Мы вторглись к вам самым невежливым образом. Между прочим, мне вовсе не хотелось вас убивать. Кто знает, возможно, когда-нибудь вам придется лечить меня в Ремиджио. Мы умеем быть благодарными, и я не требую, чтобы мои лекари были правовеерными.

Он снова повернулся к Фолько раньше, чем она успела заговорить.

– Если ты согласен с тем, что я сказал о Милазии, то я получил то, зачем приехал, и мы можем расстаться. Хочешь пари? Милазия не согласится сделать правителем сына Уберто. Мальчика убьют. Возможно, он уже мертв. Их цель – стать республикой, как Бискио или Сересса.

– Пари не будет, я с тобой согласен. Им понадобится армия. Интересно, чью армию они наймут?

Монтикола искоса взглянул на него:

– Ни мою, ни твою.

– Ни мою, ни твою, – повторил его собеседник и допил вино. – Можешь уезжать, я принимаю твое предложение. Тебе не следовало убивать того человека у входа.

Снова гнев, внезапный, яростный.

– Он был солдатом, стоял на часах у калитки в темноте. Он обнажил против меня меч. Я уже три раза это повторил. Он что, был твоим любовником? В этом дело?

– Уезжай! – резко повторил Фолько д’Акорси. И Елена испугалась, что все опять начнется сначала.

– Ты со мной так не разговаривай, – тихо сказал Теобальдо Монтикола. – Никогда. Понятно?

Фолько не отвел взгляда. Смерть его солдата в ночи жгла сердце военачальника, Елена это видела. Ей подумалось, что, возможно, он все же не проиграл бы в бою с более крупным противником.

Фолько резко повернулся, пересек комнату. Стоило ему распахнуть дверь, как в комнату ворвался холодный воздух. Акорси крикнул в темноту:

– Отпусти их, кузен! Они уезжают и увозят своих покойников. Господин правитель Ремиджио прикажет им вести себя спокойно, и ты им позволишь это сделать. Понятно?

Долгая пауза.

– Понятно. Если ты приказываешь.

– Да, Альдо.

Фолько обернулся к своему противнику:

– Было приятно выпить с тобой вина и обсудить, что происходит в мире. Надо будет как-нибудь встретиться снова, если Джад позволит нам дожить до такого дня.

Монтикола ухмыльнулся. Он снова вернул себе самообладание. И Елена опять подумала: он знает, что красив. Он не был похож на волка, но прозвище было дано ему по другим причинам. Она также знала историю об обители Дочерей Джада и сестре Фолько д’Акорси. Ее звали Ванетта. Обитель находилась возле Варены, недалеко от родного дома Елены, и она с детства знала эту историю, эти слухи.

– Приезжай к нам в Ремиджио! – великодушно пригласил Теобальдо Монтикола, делая широкий жест рукой. – Например, весной, когда дует свежий морской бриз. Ты живешь так далеко от моря! Привози с собой эту целительницу и твою девицу Риполи, если она выживет. Может, даже свою госпожу супругу? Будем мериться силами в лучах солнца.

Фолько д'Акорси ничего не ответил.

Монтикола прошел мимо стоящего у двери мужчины, почти коснувшись его, хотя в этом не было необходимости.

Смерть была здесь вместе с ними, а теперь ушла, подумала Елена.

Потом она вспомнила о человеке, убитом возле ее калитки, и о трех других расставшихся с жизнью где-то там, в темноте, и ей стало стыдно за эту мысль.

* * *

Адрия знала, что солдаты обычно хоронят своих мертвых там, где они пали, если вообще устраивают похороны; иногда война не дает такой возможности. Родные дома солдат-наемников могут быть разбросаны по разным краям. У Фолько служили люди из Феррьереса, Карша, Саврадии – со всей Батиары. Один, знаток ядов, – даже из Эспераньи.

Еще у него служила дочь герцога Ариманно из Мачеры, женщина, которой давно уже следовало выйти замуж, править где-нибудь рядом с мужем, рожать наследников. Или учиться руководить большой религиозной обителью. Судьба не предназначила ей ужасной жизни, просто Адрия решила для себя, что это была не ее жизнь. Ей даже позволили какое-то время поступать наперекор судьбе, и она должна была быть благодарна за это. Собственно говоря, она и была благодарна.

Адрия вдруг подумала, что переправить ее обратно в Акорси может оказаться сложно. Мачера и родители находились еще дальше к северу. Она думала о том, не пора ли уже вернуться домой, но была не готова к этому; она хотела – требовала – от мира большего.

Девушка не верила, что умрет здесь, да и целительница говорила ей о том же, когда в последний раз меняла повязку. Она явно была язычницей, эта на удивление молодая женщина. Многие целители в селениях были язычниками в тех краях, где лекарей не хватало, а традиции сохранились. Адрия не видела в ее доме солнечных дисков, и сама женщина не сделала знак солнечного диска, когда умер Коппо. Если смотришь внимательно, многое замечаешь.

Врачи в городах и дворцах иногда бывали даже киндатами, ходили в голубых с серебром одеждах. Людям с давних пор были известны лекарства и всякие целебные средства, и язычники, по-видимому, знали о них больше, чем те, кто был воспитан в вере Джада. Даже ашариты, как однажды сказал ей Фолько, владели знаниями, неизвестными обитателям здешних мест. Сама Адрия никогда в жизни не видела ни одного последователя Ашара. Конечно, люди их очень боялись, если только они не были взятыми в плен рабами.

Но никто не видел ничего необычного в том, что знатные женщины нередко позволяли еретикам того или иного толка их лечить. Об этом не заявляли во всеуслышание, хотя и могли поделиться с родственниками или друзьями услугами особо способных знахарей. Вероятность умереть во время родов велика, помощь ищут везде, где только можно.

У большинства правителей городов или командующих армиями служили астрологи или другие прорицатели будущего. Это тоже было запрещено. О таких мужчинах и женщинах полагось сообщать священнослужителям и высылать их из города, а то и сжигать, если времена темные.

Тем не менее мир был полон опасностей, очень больших опасностей. Молитвы и священные обряды имели значение, но человек предусмотрительный не хотел отдаваться в руки одних священников, ну разве что только под конец жизни, чтобы облегчить высший суд, который ждет тебя, когда ты предстанешь перед Богом.

Адрия не удивилась, когда Фолько сказал, что они похоронят Коппо сегодня ночью возле леса, к западу от этого дома. Она понимала, почему все делается в тайне. Оказывается, их здесь двадцать человек – слишком много для такого места, и, конечно, никто не должен узнать, что здесь побывал Фолько д'Акорси или женщина из семьи Риполи.

Адрия впервые услышала о шпионке Монтиколы в Акорси. Она хорошо представляла себе, что ее тетка сделает с этой женщиной и что сделала бы с ней ее мать, если бы это произошло дома. Девушка по собственному опыту знала, что несправедливо считать женщин более мягкими, чем мужчины, хотя ей были неизвестны случаи, когда женщина оказалась чудовищем вроде Уберто Милазийского. Сестра Адрии до того, как вышла замуж и уехала в Обравич, рассказывала, что некоторые императрицы в Сарантии по разным причинам ослепляли и калечили своих детей. Кажется, так поступала жившая в древности Аликсана. Но мать сказала Адрии, что это всего лишь легенда и что у императрицы Аликсаны никогда не было детей. Адрия не знала, какая из этих историй более правдива.

Великий Сарантий был окутан тайной: в золотых тонах, в драгоценных камнях, покрытый туманным покровом времени. Мозаики, дельфины, гонки колесниц. Некогда овеванный славой город. Адрия почти ничего не знала о нем, как и о том, о чем упоминалось в этих историях. Прошрое, часто думала она, тяжело удержать. Ей бы хотелось увидеть гонки колесниц.

В Варене было маленькое святилище, где имелась мозаика с изображением Аликсаны и императора Валерия. Адрия ее никогда не видела, но отец рассказывал, что лицо императрицы не похоже на лицо убийцы. Конечно, художники могут лгать. Так бывает.

Портрет самого Фолько, написанный Маттео Меркати, не был закончен. Очевидно, это обычно для Меркати: его считают великим, он всегда востребован, поэтому нет гарантий, что мастер останется где-то надолго и закончит работу. Фолько он писал в профиль, с левой стороны, что позволяло скрыть слепой глаз и шрам. Так что тот, кто не знает правителя Акорси, ни за что не догадается по картине, что у него нет глаза. Картины – это послания, а не истина, сказала ее тетка.

А истина может быть жестокой. Коппо Перальта умер на залитой кровью лежанке в этой комнате, это вызывало у Адрии печаль и гнев. Люди умирают, например одна ее сестра и один из братьев; вот почему стараются заводить много детей. Но смерть Коппо – это другое. Теобальдо Монтикола убил его. За свою жизнь он убил множество людей. И Фолько тоже, конечно, но речь сейчас не о том. Адрия все время смотрела через комнату на мертвого человека, которого знала с тех пор, как приехала в Акорси. Именно Коппо привез ее, тяжело раненную, к целительнице, иначе она сама, возможно, лежала бы сейчас где-нибудь мертвой.

После Милазии, думала Адрия, я тоже стала убийцей. Уберто был жестоким, твердила она себе, он заслуживал смерти. Тем не менее она понимала, что Фолько, возможно, хотел бы видеть графа Милазии убитым, даже будь тот благочестив и добродетелен.

Девушка знала, что ее родители будут в отчаянии, если узнают о том, что с ней случилось. Ее отец-герцог придет в ледяную ярость оттого, что Фолько подверг ее такой опасности, хотя, возможно, не сильно огорчится тому, что она умеет убивать. Он причислил бы это умение к разряду *полезных*, потому что именно этим он занимался, таким он был: трезвым, полным страхов человеком.

Неподходящая ночь для таких размышлений, подумала она. Может, ее опять лихорадит, отсюда все эти спутанные мысли, подобные ниткам в мешке для рукоделия.

– Поднимите меня, – вот что она сказала Фолько. – Я должна быть там.

– Нет, – ответил он.

Вошедшая целительница сказала то же самое.

Переспорив обоих, Адрия испытала некоторое удовлетворение.

Коппо вынесли из сарая после того, как выкопали для него могилу в, должно быть, твердой и холодной земле. Двоюродный брат Фолько, Альдо, вместе с Джаном помог выйти из дома

Адрии, закутанной в шерстяную накидку целительницы. Лицо у Альдо было суровым и мрачным. Тетя Катерина как-то говорила, что он ненавидит Теобальдо Монтиколу даже больше, чем сам Фолько.

Семьи, история...

Адрии было больно даже слегка наступать на раненую ногу. Она боялась, что никогда больше не сможет твердо ходить и ездить верхом, не чувствуя боли, а верховая езда значила для нее так много.

Слишком рано судить об этом, повторяла целительница, когда Адрия донимала ее вопросами. Женщина была ненамного старше ее, но уже владела собой, как человек, проживший долгую жизнь. Глядя на нее, Адрия гадала, научится ли она когда-нибудь так же держаться с людьми. Ей было интересно, действительно ли женщина так спокойна или это лишь видимость?

Слишком рано судить об этом, с усмешкой подумала она.

Они остановились у могилы, Адрию поддерживали двое мужчин. Было темно, но зажигать факелы нельзя.

Поминальную службу возглавил Фолько. Адрия знала, что ему приходилось делать это много раз. Ни один командир не сумел бы так долго сохранять преданность своих людей, если бы они не были уверены, что он, когда возникнет необходимость, бережно и с любовью передаст их Богу.

Преданность, думала Адрия, глядя вверх, на звезды и оба лунных полумесяца, имеет много различных источников. Общая кровь, дело, вера? Любовь? Воин может быть предан командиру, который способен победить на поле боя и обеспечить солдатам хорошую плату. Иногда они разоряли город или селение, которые неразумно не сдались. Такое случалось, это допускалось. Законные три дня грабежей. Адрия знала об этом, знала кое-что из того, что там происходило.

А если ты солдат и был убит, то тебе хочется верить, что над тобой совершат обряды, прочтут молитвы, вот как сейчас над Коппо в холодной темноте, под лунами в осеннем небе, у леса, возле селения, в присутствии товарищей и двух собак, тихо бегающих вокруг. Вместе с другими Адрия произносила слова молитв, которые знала с младенчества, прося Джада даровать свет душе Коппо Перальто.

Девушка поняла, что плачет. Она пыталась убедить себя, что это из-за боли в ноге, из-за жесткой земли и холода, но это было не так. Коппо не был мужчиной, которого она могла бы полюбить (не было человека, которого она так любила), но она хорошо его знала, а он ушел. Можно быть преданной другу.

* * *

Он не хочет быть мертвым. Не имеет ни малейшего желания смотреть сейчас сверху вниз на собравшихся ночью на поле, слышать голос командира, провожающего его к Богу, хотя было бы хуже, если бы никто его не провожал, это правда.

Его огорчает, что он прожил жизнь, ничего не добившись. Он собирался добиться многого! Служить преданно и умело, чтобы Фолько д'Акорси больше ценил его. И, может быть, госпожа его супруга, урожденная Риполи, тоже. Он хотел заработать денег на военной службе, скопить достаточную сумму и предложить ее священной обители, где трудилась его мать, чтобы она могла жить там как гостя, когда постареет, молиться, а не работать весь день за разрешение остаться.

Ему очень хотелось бы этого добиться.

Возможно, Фолько... но Фолько понятия не имеет о матери Коппо, о том, где она. Вот Адрия знает, однажды они говорили об этом.

Может быть, она расскажет правителю. Может быть, если она...

Мертвые, думает он, только и сожалеют о том, что все сложилось так, а не иначе. По крайней мере, в начале пути. Он не знает точно, где сейчас находится и кто он такой. Он ушел недалеко и все же чувствует, что уже где-то очень далеко.

Но, кажется, он... задерживается. Он каким-то образом видит собравшихся, слышит молитвы и пение. Среди них Адрия, закутанная в накидку. Он видит сияющие луны, их свет сливается. И звезды. Теперь они почему-то кажутся более яркими. Свет, думает он, свет – вот к чему он всегда стремился.

Сейчас молитвы внизу, по-видимому, заканчиваются, или, если они продолжают обряд погребения, он уже не слышит их так хорошо и не видит так ясно стоящих там людей. Они расплываются, и звуки гаснут.

Он понятия не имеет, что будет дальше. Он жалеет о том, что обнажил меч против Теобальдо Монтиколы. Ему хочется продолжать жить, любить и бояться.

Горечи он не испытывает. Он полон печали.

Такая короткая жизнь, снова думает он. Не оставил никакого следа в Господнем мире. Никаких кругов на воде. Большинство людей так и живет, наверное. Ему кажется, что Джад должен считать это в порядке вещей, иначе он бы устроил все иначе.

Но откуда знать ему, Коппо Перальте, ныне умершему?

* * *

Фолько выехал на север до восхода солнца – ему необходимо было исчезнуть незамеченным. Он оставил Адрию с целительницей и с Коппо в могиле.

Адрия понимала, что дядя приехал на юг, чтобы устроить ловушку, но также и для того, чтобы оценить происходящее в Милазии, прикинуть, возможно ли начать там какие-то энергичные действия. Он спланировал убийство Уберто не из соображений морали. Не таким он был человеком. Он мечтал получить порт. В Акорси не было выхода к морю, а в Милазии он был.

Теперь этого не случится. Монтикола попал в ловушку – поверил в то, что здесь их шесть человек, – но он слишком много знал и непременно разгласил бы сведения, чтобы не пустить Фолько в Милазию. В том числе раскрыл бы роль Адрии, а значит – ее имя, имя ее семьи. Этого нельзя было допустить.

Не всякий план или заговор приносит плоды. Некоторые приводят к гибели. Руководство, правление, война, власть – все это связано с риском. Фолько сказал это ей в комнате для больных после того, как они похоронили Коппо. Его люди ждали снаружи, уже в седлах, готовые к отъезду. Если Фолько и горевал, Адрия этого не заметила, но он умел хорошо скрывать свои мысли и чувства.

Ему было опасно задерживаться. Даже без привычной одежды, по которой его было легко узнать, Фолько д'Акорси оставался известным человеком с заметной внешностью – одноглазый, со знаменитым шрамом. Его могли узнать: отслужившие свое солдаты разных армий, которые жили по всей территории Батиары.

Фолько приехал на юг с определенной целью, но не достиг ее. Человек приспосабливается к обстоятельствам, сказал он. Адрия здесь в хороших руках, и он оставил Альдо и еще двоих, которые отвезут ее домой, когда целительница скажет, что с ней все в порядке. Адрии хотелось уехать вместе с ним, но ни сам Фолько, ни женщина по имени Елена даже не рассматривали такую возможность.

– Я тебя не возьму, – сказал он. – Найди коня и поезжай одна, если хочешь свалить дурака, племянница. Постарайся при этом не умереть.

Не слишком добрые слова по отношению к человеку, который сделал то, что Адрия только что сделала для дяди, но он вел себя так со всеми людьми, если они поступали глупо.

Ей придется остаться на неделю, может быть, даже на две. Это рискованно, если в Милазии все успокоится настолько, что кто-нибудь начнет искать убийцу Уберто: высокую женщину с рыжими волосами, которую привели к нему ночью с фермы.

Фолько считал, что спокойствие в городе восстановится не скоро, а про это селение мало кто знал. Его люди должны были следить за новостями и предпринять что-либо, если возникнет необходимость. Кузен Альдо – лучший из помощников Фолько, как известно Адрии, его лейтенант, он был с ним с самого начала, с ранней молодости.

Фолько быстро расцеловал племянницу в обе щеки и уехал.

Перед тем как выйти, все-таки сказал ей:

– Ты молодец.

Позже Адрия вспомнила, что не рассказала ему о том человеке, который помог ей выбраться из дворца. Он мог бы оказаться им полезным, но она не знала его имени. Он учился в школе в Авенье, видел ее там вместе с Фолько. Умный, он был очень умный и вывел ее из дворца, а ведь она уже думала, что умрет на той лестнице. Следовало узнать его имя. Нужно иметь возможность поддерживать связь с такими людьми, как он, – если его не убили во время последующих событий во дворце и в городе. Наверное, она смогла бы отыскать его через школу, если бы решила, что это важно.

Целительница опять меняла ей повязку. Сквозь наружные слои снова проступила кровь. Женщине была недовольна тем, что Адрия ходила и стояла, но есть вещи, которые необходимо сделать для друга, когда он умирает. Особенно когда он не должен был умереть.

Руки целительницы с длинными пальцами двигались быстро, спокойно, умело. «Уверенно» – вот самое подходящее слово.

– Как давно вы этим занимаетесь? – спросила Адрия.

Они остались одни в пустом доме, до восхода солнца было еще несколько часов.

– Довольно давно, – ответила целительница, снимая пропитанную кровью повязку и откладывая ее в сторону.

Адрия посмотрела вниз, но почти ничего не увидела.

– Где вы начинали?

– Свою работу? Дома, немного.

– А где ваш дом?

– На севере.

Адрия рассмеялась.

– Вы не любите говорить о себе, правда?

– Не люблю, – ответила целительница, но подняла глаза и коротко улыбнулась.

Она была маленькая, аккуратная, с длинными светло-каштановыми волосами, правда, в них уже показалась седина.

Адрия откинулась назад. Целительница продолжала обрабатывать ее рану высоко на бедре, и девушка неожиданно почувствовала, как просыпаются ощущения, которых она уже давно не испытывала.

Она поняла, что краснеет, понадеялась, что женщина этого не заметит, но ощущение, или ожидание ощущений, не проходило. К ней и раньше прикасались в этом месте. Не часто, но дочь Риполи могла получить такую помощь от женщин, обслуживающих ее покои, поскольку это было лучше, чем позволить мужчине проникнуть в ее комнату и в нее саму с риском зачать ребенка. Это было известно и допускалось. Адрия не часто так поступала, но...

Несколько секунд она пыталась вспомнить последний раз, когда к ней кто-то так прикасался, чувствуя, как учащенно бьется сердце. Потом, откашлявшись, спросила:

– Будет ли нарушением ваших обязанностей целительницы, если вы принесете мне облегчение и другими способами?

Руки на мгновение замедлили движения, потом продолжили действовать в прежнем темпе. К телу Адрии относились, как к проблеме, которую надо решить. Но целительница ничего не ответила до тех пор, пока не закончила перевязку.

Она поправила Адрии одеяло, пощупала пульс на ее запястье, а потом спокойно посмотрела на пациентку.

– Сейчас я приготовлю вам вечернее питье. Но сначала послушайте. Если бы вы сказали, что желаете меня и хотите знать, испытываю ли я по отношению к вам такое же желание, у нас мог получиться другой разговор. Но даже член семейства Риполи не может использовать меня таким образом. И если вы действительно стараетесь не жить той жизнью, занимаясь тем, чем, по-видимому, занимаетесь, вам не следует так разговаривать ни с одной женщиной – или с мужчиной. Ожидать услуги, заявлять на нее свои права? Думаю, вы собирались вести другое существование, госпожа, но, возможно, я ошибаюсь.

Она вышла с окровавленными повязками.

Адрия чувствовала себя так, будто ее снова ударили кинжалом. Щеки у нее горели. Она плотно зажмурилась.

Немного позже целительница вернулась с питьем. Адрия поблагодарила ее за него. Никто из них больше ничего не сказал. Вскоре девушка уснула – в конце концов, именно для этого она и выпила отвар.

Она заснула, чувствуя стыд, и проснулась с тем же чувством.

Елена не спала весь остаток ночи. Лежала, запутавшись, словно в густых зарослях, в гнев и разбуженном желании – и в неожиданном сострадании. В конце концов небо, видное сквозь щели в ставнях, начало светлеть. Больная девушка была моложе ее, но уже совершила то, что Елене и в голову не пришло бы сделать, нечто, связанное с огромным риском. Убийство! Но все равно она, кажется, осталась тем же человеком, каким сделало ее происхождение, – дочерью правителя Мачеры, которая провела детство в самом великолепном дворце города-государства Батиары.

Такое детство, думала Елена, отнимает у человека очень многое, и, если он решает изменить свою жизнь, ему требуется на это очень много усилий.

* * *

Три человека, которых убили в ту ночь возле дома целительницы по приказу Фолько Чино д'Акорси, тоже были молодыми, потому что он так велел: неженатых и бездетных. Их товарищи-солдаты отвезли тела на некоторое расстояние южнее селения и потом, когда рассвело, похоронили их головами в сторону солнца.

У каждого из погибших была своя история, которая привела его к той ферме, но у нее не оказалось продолжения – разве что совсем короткий путь до могилы в чужой земле.

Часть вторая

Глава 4

Я не всегда согласен с тем, что именно намерения, обдуманые решения определяют нашу жизнь и направляют ее. Мне кажется, что противоположное происходит так же часто. Начало нашей истории может дать внезапный порыв или совершенно непредвиденный случай, а то, что мы помним о собственном прошлом, может быть непредсказуемым. Я узнал это не в школе в Авенье, но, думаю, Гуарино со мной бы согласился.

Более того, мы часто оказываемся там, куда заносят нас ветры нашего времени. Мы ведем свой корабль куда хотим – до тех пор, пока нас не настигнет шторм или пираты, напавшие на закате. Спокойные воды и легкий ветер рожают иллюзию превосходства, контроля. Но это всего лишь иллюзия. Набожные люди говорят, что мы должны верить в Джада. Я пришел к мысли, что им живется легче. С переменами судьбы справиться проще, когда у тебя есть вера.

Я слишком много повидал, чтобы остаться истинно верующим, хотя до сих пор боюсь Божьего суда за свою склонность к ереси, особенно когда не сплю по ночам, а это случается часто. Мир вокруг непрост, когда нет твердой веры в то, что будет потом, или в то, что на все события нашей жизни оказывает влияние правильность избранной нами религии.

Разумеется, я ни с кем не беседую об этом.

Я смотрел, как Адрия Риполи исчезает в темноте, поддерживаемая теперь другим мужчиной, и изо всех сил пытался обрести спокойствие или, по крайней мере, ясность мысли. Но не обрел ни того, ни другого. Помню, что испытывал желание последовать за ними, за ней: она ведь спросила, не хочу ли я пойти с ними. Я мог это сделать. Бывают правители и похуже, чем Фолько д'Акорси, а он был бы передо мной в долгу за спасение племянницы, которая ради него совершила в ту ночь убийство.

Я все еще был потрясен, что он использовал ее таким образом и что она выбрала такое задание. *Задание?* Слабо сказано – эта женщина взялась проникнуть во дворец Милазии и убить графа, взять грех на свою душу.

Возможно, обычные люди, подобные мне, просто не в состоянии понять богатых и власть имущих, но я в это не верил, поскольку провел несколько лет в школе среди детей власть имущих. Я был уверен, что понимаю их или могу понять. Правда, Риполи из Мачеры были одним из самых богатых семейств, это должно что-то значить. Если верить слухам, Ариманно, отец этой девушки, купил себе титул графа, уплатив за него такие деньги, которые многим казались невероятными.

Я слышал затихающий вдали топот их коней, хотя уже не видел их. Я все еще мог бы их догнать, ведь она меня приглашала. Мы вместе пробирались в темноте, и я слышал ее смех, заставлял ее смеяться, видел ее мужество.

Но я не поехал с ней.

Я позволил ей ускакать. Почему и как мы делаем выбор в такие моменты? Страх, осторожность, честь? Я скажу, что главным в ту ночь для меня была честь, хотя на мое решение повлияли и другие вещи тоже.

Но я чувствовал «в глубине души», как выражаются поэты, что мой долг перед Морани ди Россо требует хотя бы попытаться помочь ему избежать судьбы, которая казалась неизбежной после того, что только что сделала Адрия Риполи.

Что касается того, почему человек, которого обучили философии, мог стремиться предотвратить *неизбежное*, то у меня нет достойного ответа. У нас не всегда есть ответы, когда дорога нашей жизни раздваивается и нам приходится выбирать путь быстро, в ночи.

Сначала надо было принять решения, от которых зависели мои собственные спасение или гибель. Следует ли мне вернуться во дворец, закрыть дверь на засов, подняться по той же лестнице? Или не заходить внутрь и, обойдя дворец, подойти к воротам в город в надежде, что они открыты, что стражники покинули пост и разыскивают убийцу, которая – это очевидно! – спустилась по веревке на площадь и каким-то образом ускользнула ото всех?

Стражники, снова подумал я, стоя под звездами на холодном ветру, весьма вероятно, умрут. Это зависит от того, как развиваются сейчас события во дворце.

Именно эта мысль – *как развиваются события во дворце* – заставила меня вернуться на лестницу. Я оставил свою лампу на нижней ступеньке, и по милости Джада, которую он проявляет даже в мелочах, огонь в ней не погас.

Я начал подниматься по лестнице. С кровью на ступеньках ничего нельзя было поделать, – я гадал, сможет ли Адрия ехать верхом и как далеко уедет, но, сделав выбор, понимал, что уже не узнаю об этом. Разумеется, кровь должна быть и на моих собственных чулках, к тому же я наступал на пятна крови, когда поднимался по лестнице. Это придется как-то объяснять, когда я выйду отсюда, а у меня нет ответа.

Я покинул потайную лестницу на первом этаже дворца. Вышел я на нее на третьем этаже, а на втором нашел Адрию. На первом этаже находились помещения, где жили мы, слуги, а также стражники и мелкие чиновники. Если Бог милостив, они уже все давно вскочили, охваченные общей неразберихой и страхом, обыскивают дворец или территорию вокруг него или толпятся в прихожей перед покоями мертвого графа.

Я прислушался к тишине, помолился, чтобы ничто ее не нарушило, признал себя недостойным помощи Джада, затем открыл задвижку. Опять прислушался, вдохнул поглубже и открыл дверь.

Если бы там были стражники, если бы в той комнате оказался хоть кто-нибудь, когда появился я, окровавленный, и настороженный, моя жизнь закончилась бы в Милазии, меня бы казнили, подвергнув пыткам и содрав с меня кожу. В этом нет сомнений.

Я жив и рассказываю эту историю, свою часть общей истории. Там никого не оказалось.

Я задвинул панель и быстро пересек большую комнату, общую столовую, повернул налево и еще раз налево и вошел в свою спальню. Я делил ее с двумя другими парнями, никого из них там не оказалось. Закрыв дверь, я проверил чулки – кровь на правой ноге, еще немного на башмаках. Но кровавый след за мной не тянулся, что было подарком судьбы. Торопясь, я скинул башмаки и передел чулки; потом снова обулся, все время опасаясь, что дверь откроется, мне зададут неудобные вопросы и я погибну.

Я встал, пытаюсь держаться спокойно, но не слишком в этом преуспел. Тогда я напомним себе, что Адрия Риполи вошла в покои Зверя одна, зная, что он там убивает людей. Это помогло. Действительно помогло.

Я вышел и направился вверх по лестнице. Теперь мне то и дело попадались спешащие вверх или вниз люди, все испуганно косились друг на друга. Какой-то незнакомый мне человек плакал, сидя босиком на ступеньках лестницы для слуг, по которой я ходил за вином для Морани. Я делал вид, что очень спешу, будто меня вызвали. Шагая через две ступеньки, вернулся на третий этаж, потому что именно там должен был находиться Морани, если его еще не увели или уже не убили.

И именно тогда, в ту в осеннюю ночь, мой жизненный путь снова раздвоился.

В прихожей находилось человек двадцать или тридцать, все говорили одновременно и жестикулировали, как обычно поступаем мы, жители Батиары, по утверждению граждан дру-

гих стран. (Сам я так себя не веду, по крайней мере, мне так кажется.) Я не увидел Морани, поэтому, вдохнув поглубже, начал пробираться к двери, все еще делая вид, будто меня вызвали.

В соседней комнате находилось полдюжины человек, в их числе Морани. Он был жив.

Какой-то человек говорил, очень громко. Покойник по-прежнему лежал на ковре. Труп накрыли другим ковром, не очень аккуратно. Я наклонился и поправил его, чтобы лучше закрыть лицо. Глаза Уберто все еще были широко распахнуты, никто их не закрыл. Тут мне в голову пришла одна мысль, и я нарочно наступил в лужу крови, скопившуюся рядом с телом, – объяснение крови на моей обуви, если оно понадобится.

Выпрямившись и оглядевшись, я наконец понял, что говорящий незнакомый мне мужчина, крупный, широкоплечий и хорошо одетый, утверждает свое право руководить ситуацией – или пытается это сделать.

– Я хочу, чтобы все, кто есть во дворце, занимались поисками! Здесь, внизу, по всему городу! Я хочу, чтобы эту женщину нашли! – Он почти кричал.

Я хочу, мысленно повторил я. Кто же ты такой?

– Мы все сознаем эту необходимость, синьор Валери, – ответил главный советник Уберто, которого я пока еще плохо знал. Одевался он явно в спешке, его тонкие волосы были растрепаны, шапка отсутствовала. – С вашей стороны очень любезно предложить помощь дворцовым службам, но мне кажется, будет лучше, если вы предоставите действовать дворцовой страже и чиновникам.

– Предоставить это вам? Ваш промах стал причиной грозящего катастрофой убийства! Ни один уважаемый человек в Милазии теперь не доверит вам *ничего*!

Я удивленно заморгал. И не я один.

– В самом деле? Вы заботитесь о графе и его семье, сеньор?

Главный советник наверняка был человеком, сведущим в нюансах и дипломатии, раз удерживался на этом посту уже много лет.

Господин по имени Валери гневно уставился на него. Краснолицый, лет пятидесяти, на этот раз он закричал по-настоящему:

– Как вы смеете?! О чем же еще я могу заботиться?

– Вот как. Это очень хорошо, – торжественно произнес советник. – Ведь есть много вещей, которые могут волновать человека этой ночью. В таком случае вам следует знать, что я уже послал стражу в святую обитель, где находится графиня. И ребенок графа тоже у нас и тоже под надежной охраной.

– Что? Кто приказал вам это сделать?! – рявкнул Валери.

– Синьор Валери, – в первый раз заговорил Морани, – с самым большим уважением, позвольте спросить, почему чиновники дворца обязаны отчитываться перед купцом о том, что они делают, или ждать его указаний? Как только что заметил главный советник, было бы гораздо лучше, если бы вы вернулись домой. Мы все сейчас напуганы и разгневаны. Утром станет яснее, что следует делать дальше.

Воцарилось молчание. Я переводил взгляд с Морани на главного советника – его звали Новарро, – а потом снова на плечистого купца. Даже такому молодому человеку, каким был я в ту ночь, было очевидно, что Валери пришел сюда в надежде застать хаос и слабость и воспользоваться этим в свою пользу.

Купец указал пальцем на Морани. Что-то в том, как он это сделал, заставило меня подойти ближе. Никто пока ни слова не сказал по поводу моего пребывания в этой комнате; думаю, только Морани меня и заметил. Слуги и мелкие чиновники вечно спуют по дворцу, на них обращают внимания не более, чем на мебель. Тут меня осенило. Я огляделся: еще трое мужчин в комнате были мне незнакомы, и все они были в ливреях – значит, пришли вместе с купцом.

И все они были вооружены.

– И вы еще смеете что-то говорить? – произнес человек по имени Валери. – Все это случилось из-за вашего предательства! – Он резко повернулся к главному советнику. – Почему этот человек до сих пор жив?

– Синьор, это ужасное обвинение, – тихо ответил советник Новарро. – Повторяю, было бы лучше, если бы вы...

Валери выхватил меч. Во дворце, в покоях графа.

– *Нет!* – крикнул он. – Для Милазии лучше не дать осуществиться предательскому заговору! Люди нуждаются в руководстве, им не нужны в этом дворце злодеи, которые убили своего господина!

Он направил меч на Морани, но тот не дрогнул. Это я помню.

– *Синьор!* – снова повторил главный советник, но не двинулся с места.

Это сделал я. Развилки на дорогах нашей жизни. Наши поступки, совершенные без раздумий, во внезапном порыве. Мгновение, требующее от нас немедленного действия, от которого зависит вся последующая жизнь.

Валери угрожающе шагнул к Морани, выставив меч. Я же сделал два стремительных шага к нему. Я был молод и быстр, поэтому выхватил кинжал на ходу и ударил два раза со спины – сперва в поясницу, а потом насквозь, в сердце.

– В этой комнате нельзя обнажать клинок! – крикнул я. – Никому нельзя!

Валери упал. Фактически он уже был мертв, когда падал. Его старший сын с этой секунды стал главой семьи, хотя пока не знал об этом. Самые разные варианты будущего Милазии и многих других мест проистекали из этого мгновения и растворялись в нем из-за того, что я сделал. Развилки на нашем пути затрагивают не только наши судьбы.

– *Стража!* – крикнул главный советник. – *Ко мне!*

Три человека, пришедшие вместе с Валери, которые сперва замешкались, теперь словно очнулись и схватились за оружие. Один даже вытащил меч из ножен, но тут же вложил его обратно, когда в покои ворвались пять стражников.

– Господа, – обратился главный советник к трем спутникам Валери, – прошу вас положить свои мечи на пол.

Они не колебались. Их работодатель был, кажется, мертв, а они окружены дворцовой стражей. Мечи полетели на пол.

Но теперь здесь был убит уже второй человек. Мною.

Я посмотрел на первого министра:

– Мой господин, скажите, что я поступил правильно! Он намеревался убить синьора ди Россо. Он обнажил против него оружие! В этой комнате! Кто он был такой, чтобы отдавать здесь приказы?

Мне не пришлось изображать панику и мольбу. Я только что убил первого в своей жизни человека. В ту же ночь, когда это сделала Адрия, хотя эта мысль пришла ко мне позднее.

– Действительно, кто? – произнес главный советник Милазии. И тихо прибавил: – Ужасная ночь.

Морани смотрел на меня, но я не понимал выражения его лица.

Главный советник Новарро нахмурился. Потом сказал:

– Стража, убейте этих трех человек, пожалуйста. Я начинаю понимать, чей это был заговор, кто подослал женщину убить графа.

У меня отвисла челюсть.

– Господин главный советник... – начал Морани.

Но дворцовые стражники Уберто Милазийского были хорошо вышколены и убивали без колебаний. С тремя спутниками купца разделались легко. Один, который был поживее других, попытался выскочить через открытое окно, чтобы спуститься вниз по веревке, но ему это не

удалось. Он умер, наполовину высунувшись из окна. Его тело оставалось там до утра, а затем его вынесли на площадь и разрубили на части вместе с телами остальных.

– Мы еще не поймали женщину, – сказал главный советник.

Его лицо покраснело, но голос звучал более уверенно. Я понял: кого-то надо было назначить виновным в событиях этой ночи. В городе вот-вот начнется хаос, а хаос порождает насилие.

По-видимому, главный советник Новарро принял решение. Тот купец, Валери, сделал смелый ход в игре и проиграл. Если женщину не найдут – а я был совершенно уверен, что не найдут, если только она сможет держаться в седле, – то дворец объявит о предательском заговоре в городе и об убийстве главы заговорщиков.

Я понял, что всю семью Валери убьют, даже маленьких детей. Их дома, землю за стенами города, корабли, если у них они есть, уничтожат, или все добро плавно перейдет в собственность того, кто даст взятки нужным людям. Взятки в Милазии весьма приветствовались, а главный советник, как я слышал, богат. Кроме того, наследнику Уберто всего девять лет, ему понадобится советник, который будет руководить и им, и Милазией, долгие годы. Я взглянул на Морани. Он пристально смотрел на Новарро и молчал. Такое развитие событий, понял я, могло спасти ему жизнь. Или нет.

Мир знает, что произошло в Милазии потом.

Или Батиара знает. Потому что мы важны – наши города-государства влиятельны, богаты, здесь, в Родиасе, живет Верховный патриарх – и склонны полагать, будто то, что происходит у нас, должно оказывать влияние на весь мир.

Это не так. События в таком маленьком городе, как Милазия, едва ли были замечены в Карше или Эсперанье, а Сарантий боролся с надвигающейся на него опасностью. Кроме того, дела власть имущих (или будущих власть имущих) не оказывают такого уж серьезного влияния на большинство людей, живущих своей собственной жизнью, например ожидающих зиму и то, что она принесет.

Милазия перестала быть частью моей истории, хотя я сыграл здесь свою роль и еще сделал кое-что важное до того, как покинул ее. О смерти Уберто и последующих событиях действительно много говорили в наши дни, они стали предостережением для других правителей.

Утром главный советник велел объявить, что убийство графа Уберто было спланировано семейством Валери, что у них, несомненно, имелись сообщники среди других купцов и что их непременно найдут.

«Не сомневайтесь в этом!» – кричали его глашатаи на дворцовой площади.

Тем не менее девушку не нашли. Оглядываясь назад, я понимаю, что в этом заключалась гибельная ошибка того плана, который пытался осуществить главный советник Новарро.

Милазия была городом зарождающегося купечества, над которым властвовал темный и ненавистный правитель. Люди терпели его, потому что он обеспечивал безопасность фермерских хозяйств и охотничьих домиков, которые знать приобретала вне стен города, и кораблей в гавани (в открытом море их безопасность была не в его власти).

Девушка, убившая Уберто, сбежала, миновав всех стражников на площади. Наследник графа был ребенком и нуждался в советнике.

Все знали, что главный советник – скользкий, жадный и коварный тип, что он никак не годится на роль командира солдат-наемников... Все это, вместе взятое, пахло, как говорится в пословице, тухлой рыбой, выброшенной в конце базарного дня.

В последующие дни на дворцовой площади пахло трупами.

Случилось так, что старший сын Опиchino Валери по имени Эриджио оказался и хитрым, и агрессивным. У него были друзья среди других купцов, и у всех имелись собственные вооруженные отряды, потому что торговым кораблям необходимо обороняться от пиратов из

Сеньяна с другого берега узкого моря и от корсаров-ашаритов с юго-запада. Те из них, кто жаждал наживы и власти и имел воинов под своим командованием, увидели шанс и воспользовались им.

Такое случалось и в других городах: власть переходила от правителя – каким бы образом его семья ни пришла к власти – к общине, из кого бы она ни состояла и кто бы ее ни возглавлял.

Обычно обходилось без столь многочисленных убийств, как это было в Милазии, но и такие случаи тоже известны. У герцога Ариманно из Мачеры – отца Адрии – на собственный город и живущий в нем народ было нацелено больше дворцовых пушек, чем за его пределы, против возможного нападения извне.

Мы были безжалостными людьми, живущими в безжалостные времена. Мало кому не приходилось видеть, как умирают мужчины и женщины.

Что стало неожиданностью в те первые дни в Милазии – по крайней мере для меня, – так это то, что Новарро, главный советник, уцелел. После того, как он публично возложил вину за убийство на старшего Валери и его друзей, а потом молодой Валери захватил власть в городе вместе со *своими* друзьями, Новарро каким-то чудом убедил их, что опытный человек очень важен для обеспечения преемственности и безопасности. Никто из них прежде не правил, сказал Новарро, никто не знаком с правителями других городов так хорошо, как он. Он будет служить им от всего сердца, обещал он, они в нем нуждаются.

Он отдал им ребенка на второе утро. Отдал на смерть девятилетнего мальчика Эриджио Валери и прочим. Опасаясь возможных беспорядков, обошлись без публичной казни, но мертвое тело напоказ все-таки выставили – нельзя было допустить распространения слухов о том, что где-то на свете живет наследник.

Графине позволили остаться в святой обители, поскольку она не представляла реальной опасности. Вообще-то некоторые аристократки могли сплотить вокруг себя солдат и народ, но супруга Уберто к таковым не относилась. Графиня ненавидела и боялась мужа и почти не знала своего ребенка. Ее оставили Джаду.

Морани ди Россо убили через два дня после смерти Уберто.

Это тоже не было официальной казнью – управляющего растерзала чернь, которой приказали собраться на площади перед дворцом. Новарро отдал им несчастного в качестве жертвы. Морани, заявил советник, участвовал в заговоре, именно он впустил к графу убийцу с кинжалом. Обнародовали историю об изуродованных половых органах. Подобная жестокость, заявил Новарро, не знает примеров в их любимой Милазии.

Поэтому Морани умер таким же образом. Его раздели догола, чтобы все видели в безжалостном свете холодного утра, и отрезали половые органы. Он клялся Джадом в своей невиновности, но его трудно было расслышать в реве толпы. Потом секретаря разорвали на части. И не позволили похоронить останки.

Я смотрел из окна дворца – заставил себя смотреть. Это зрелище навсегда останется со мной. Даже сегодня я не люблю больших толп. Я их боюсь.

Еще тогда я знал, что главный советник Новарро предложил Морани стать участником его плана, он мог доставить сына графа предводителям новой общины. Главный советник уже сказал Эриджио Валери, что это сделает именно Морани ди Россо, хороший, верный человек.

Я до сих пор не уверен в причине, по которой Морани отказался. Он любил свою семью и никоим образом не устал от жизни, дара Джада. К тому же он не хранил верность Уберто и не чувствовал по отношению к нему никаких обязательств – уж я-то знал.

Думаю, вероятнее всего, он хранил верность идее о преданности в том мире, где ее было так мало. Верил в то, что человек должен иметь возможность бросить где-то якорь, сказать правду, найти пристанище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.